

ВАЛЕРИЙ | УРОВ

ФИЗРУК

НА СВОЕЙ ВОЛНЕ

18+

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 3

«Автор»

2026

Гуров В.

Физрук. На своей волне 3 / В. Гуров — «Автор», 2026

Матёрый, но правильный авторитет из девяностых погибает. Его сознание переносится в наше время, в тело обычного школьного физрука. Завуч трясет отчётность, родители собачатся в чатах, а «дети» залипают в телефонах и качают права. Но он не привык прогибаться. Только вместо пистолета у него свисток, а вместо верных братков — старшеклассники-недотёпы, которые и отжаться толком не умеют. А еще впереди — областная олимпиада, и если школа ее не выиграет, то ее грозятся закрыть. Третий том.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 3

Глава 1

Мы вошли в коридор, и директор снова принялся вещать об истории школы — о первом камне, о заслуженных учителях, о щитах и знамёнах. Я слушал вполуха, потому что в голове уже промерял следующий ход. Чем скучнее будет начало, тем ярче сработает кульминация.

Аля шёл, сдержанно зевая и время от времени поглядывая в телефон. Ему действительно казалось важнее то, что там писали, чем рассказы Лени об истории учебного заведения.

— Владимир Петрович, мы можем начинать? — шепнула мне физичка.

— Начинаем, — кивнул я.

Физичка прикрыла рот кулаком и кашлянула. Это был наш завуалированный сигнал.

Директор заговорил про достижения:

— Наша школа выиграла немало олимпиад, в советские времена у нас учились...

И всё в таком духе. Набор формальных фраз по заученной канве.

В этот момент из дверей одного из школьных кабинетов вышла математичка. Мне пришлось малость поугovarивать Эльвиру во время подготовки, чтобы она подключилась к представлению. Уговаривать пришлось не потому, что она не хотела участвовать, нет. Препона возникла из-за внешнего вида училки... и надо признать, выглядела она эффектно!

На Эльвире были лосины и короткий топ, явно не из педагогического гардероба.

Конечно, килограммов двадцать лишних у неё имелось, но грудь была — будь здоров, а филейная часть могла бы стать примером женской уверенности. На плече Эльвиры несла полотенце, волосы собраны в пучок, походка решительная, а на лице — невозмутимое выражение.

— Также наш педагогический коллектив неоднократно признавался лучшим как на районе, так и в городе, — продолжал между тем Лёня.

Теперь его точно никто не слушал, в школе появилась новая звезда. Математичка шла прямо к нам навстречу, будто не замечая делегации.

Аля, который до этого демонстративно скучал, поглядывал в телефон, вдруг краем глаза заметил Эльвиру. Поднял взгляд, мельком увидел её фигуру и на секунду даже замер. Потом снова опустил глаза в телефон, но уже не так уверенно. Экран мигал, вибрировал, но теперь он отвлекался всё чаще. Я видел, как угол его рта чуть дёрнулся — Аля явно клюнул и заглотил крючок. Нужен был контраст, и мы его дали.

Аля аж задержал дыхание и даже перестал притворяться, что интересуется телефоном. Экран погас, а взгляд буквально прирос к Эльвире. Жадный, прожигающий — тот самый, который я видел у него не раз в девяностые.

Я-то прекрасно знал его вкусы.

Рыжие-бестыжые, пышные, с формами, которые не спрячешь никакой одеждой. Такие женщины действовали на него, как приманка на зверя — выключали голову напрочь. И сейчас всё совпало: цвет волос, фигура, даже манера двигаться. Математичка шла уверенно, чуть покачивая бёдрами, и Аля просто не мог отвести взгляд.

Откуда у него пошла эта тяга — можно было только гадать. Но, по моим наблюдениям, всё началось ещё тогда, когда один наш партнёр, человек серьёзный и состоятельный, привёл на встречу жену. Рыжая, с осанкой, с таким взглядом, что Аля потом неделю ходил как под током. Он тогда сорвался на пустом месте, едва не устроил драку... А всё потому, что не мог смириться с тем, что такая женщина досталась другому.

С тех пор он словно потерял покой. Искал таких повсюду, под копирку, будто хотел доказать себе, что теперь он «тоже может».

И вот теперь перед ним стояло живое напоминание. Только не жена партнёра, а наша математичка, ставшая «орудием» в моей игре. Аля смотрел, а я видел, как его пальцы медленно сжимаются в кулак.

Да, всё шло именно так, как я задумал.

Крещенный буквально свернул шею, провожая взглядом Эльвиру. Она жевала жвачку, листала что-то в телефоне и даже не посмотрела в сторону делегации. Я видел, как Аля сглотнул и провёл языком по губам. Когда дверь спортзала за ней закрылась, он вздрогнул, будто из сна вынырнул.

— Слышь, Леонид Яковлевич, — вдруг защёлкал он пальцами, обращаясь к директору.

Голос у него стал деловым, но в глазах по-прежнему хищно блестело, я хорошо помнил этот блеск.

Аля, кстати, прекрасно знал Леню. Но до сих пор делал вид, что видит его впервые. Не скажу — узнал ли Крещенный Леню, которого помнил ещё пацаном. Хотя... не мог не узнать.

Директор мгновенно вытянулся по струнке.

— Да-да, слушаю внимательно, — выпалил он.

— Куда мы сейчас идём?

— Э-э... ну, мы как раз планировали пройти в столовую, — начал лепетать Лёня. — Чтобы... так сказать... накормить вас, а заодно показать наше меню для детишек...

Аля хмыкнул и расплылся в улыбке.

— Это, конечно, всё правильно, — сказал он, — кормить людей надо. Но можно и подождать. Ничего страшного, если остынет — подогреем.

— Конечно, — тут же закивал директор, — без проблем...

— А вот там у вас что?

Все, как по команде, повернули головы туда, куда кивнул Аля. Он указывал на дверь спортзала.

Я не удержался от внутренней усмешки. Всё шло, как по нотам.

— Это... спортзал у нас, — пробормотал Лёня, видимо до сих пор не веривший, что моя приманка сработала. — Там проходят уроки физической культуры.

Директор растерянно вытирал ладонью пот со лба. Я почувствовал на себе взгляд завуча — цепкий, настороженный, почти ревнивый. Стоило мне повернуться, как Мымра поспешно отвела глаза, будто рассматривала что-то на полу.

Да, Соня понимала, что всё идёт именно так, как я и рассчитывал. Но признать это? Никогда. Для неё проще было проглотить собственную указку, чем признать, что «этот хам» оказался прав.

— Ну и отлично, — сказал Аля, почти по-дружески хлопнув Лёню по плечу. — Давай тогда туда для начала и заглянем. А то потом ещё круги нарезать по вашей школе.

Улыбка у Али была вроде бы добродушная, но я видел, как директор напрягся, как будто его пригласили не в спортзал, а на расстрел.

Лёня судорожно облизнул губы и мельком взглянул на меня.

— Конечно, пойдёмте, — заискивающе сказал он, нервно поправляя галстук. — У нас, правда, в спортзале ремонт не делался уже давно... Но это несколько не мешает детям активно заниматься физкультурой. В разные годы здесь учились призёры районных соревнований, правда... они, э-э... были освобождены от физры, — сбивчиво добавил Лёня, пытаясь сгладить неловкость.

Но Аля его уже не слушал. Он будто, пружиня от пола, двинулся к спортзалу. Я видел по его лицу, что интерес у него теперь был совершенно другой. Мы вошли в спортзал.

И вот тут начался второй акт моего действия... прямо посреди зала занималась наша математичка. Из телефона Эльвиры громко пел Том Джонс — хрипел на весь зал свою легендарную Sex Bomb.

Математичка же лежала на гимнастическом мате, поднимала и опускала таз, выгибаясь медленно, с нарочитой плавностью. Топ натянулся на груди, лосины блестели, а волосы, выбившиеся из пучка, прилипали к вспотевшей шее.

Аля остановился как вкопанный. Я даже услышал, как он втянул воздух — коротко, шумно, будто ударили под дых. Глаза впилась в Эльвиру на мате.

Наконец, Аля закашлялся и пошёл густым румянцем. Математичка, услышав шаги, подскочила с мата и сделала вид, будто ужасно смутилась.

— Ой, я... я не знала, что сюда кто-то зайдёт, — затараторила она, торопливо хватая полотенце. — Простите, пожалуйста, если мешаю, я сейчас... уйду...

И начала вытираться — неторопливо, с тем самым наигранным стыдом, который только сильнее притягивает внимание. Эльвира вытирала шею, ключицы, потом, будто случайно, провела полотенцем по груди. Её рука замедлилась...

Аля сглотнул, опустив глаза, потом снова поднял и уставился взглядом, в котором читалось чистое, животное желание.

— Что вы, милая, — прохрипел он, — вы нисколько нам не мешаете... Я, признаться, не знал, что у вас прямо сейчас проходят занятия. Можете... продолжать, конечно.

Директор выдавил натянутую улыбку. Что ж..., а крючок-то вцепился глубже, чем я ожидал!

Я видел, как остальные учительницы, стоявшие чуть поодаль, едва сдерживали смешки. Им-то уже всё было известно — план, детали, даже то, как именно должна себя вести Эльвира. И сейчас каждая из них отчаянно пыталась сохранить на лице выражение вежливого интереса, но уголки губ всё равно дрожали.

— Продолжайте, Леонид Яковлевич, — сказал Аля, не сводя взгляда с нашей рыжей приманки.

Математичка, едва заметно подмигнув мне, улыбнулась. Ну и грациозно двинулась к гимнастическим козлам. Там Эльвира начала делать растяжку, аккуратно выгибаясь именно так, как я ей и объяснял на репетиции.

Выгибалась она с чувством, с толком, с расстановкой, подчёркивая каждое движение. И, конечно, свои манящие формы.

— Вот, — наконец продолжил директор дрожащим голосом. — У нас, как видите, просторный спортзал. Занятия проходят регулярно, дети довольны...

Он достал платок и стал вытирать вспотевший лоб, будто стоял не в спортзале, а в сауне.

— Дадим слово нашему замечательному преподавателю физкультуры, Владимиру Петровичу, — Лёня кивнул в мою сторону.

Аля перевёл взгляд на меня, чуть вскинул бровь. Его глаз я не видел из-за солнцезащитных очков, которые он не снимал.

— Так это ты физрук, значит? — протянул он с лёгкой усмешкой, скользя по мне взглядом, будто оценивал.

— Да. Я, — ответил я.

Разумеется, любой здравомыслящий человек на месте Али должен был испытать лёгкий когнитивный диссонанс. Толстоватый паренёк и преподаватель физкультуры? Да уж, в моём облике было куда больше от участника соревнований по поеданию пончиков, чем от учителя физры.

— Между прочим, — с напускной гордостью добавил Лёня, — именно Владимир Петрович готовит наш 11 «Д» класс к предстоящей олимпиаде. Очень талантливый педагог, с прекрасными результатами.

Я еле удержался, чтобы не фыркнуть. Лёня-то, похоже, всерьёз решил, что если громче хвалить, то Аля проникнется любовью к школе. Наивный. Крещенному было глубоко наплевать и на школу, и на весь наш коллектив.

Я, честно говоря, думал, что Аля вообще не слушает директора. Однако при словах про олимпиаду он едва заметно дёрнулся. Медленно повернулся ко мне, и во взгляде Крещенного мелькнуло лёгкое беспокойство.

— Олимпиаду, говоришь? — уточнил он.

Аля смерил меня тяжёлым, прожигающим взглядом. И на этот раз в его глазах мелькнул хищный отблеск, что всегда появлялся у Крещенного перед тем, как начиналось настоящее месиво. Тогда, в девяностые, я видел это выражение десятки раз... Примерно за секунду до того, как он доставал ствол и решал, кто будет жить, а кто нет.

— И как проходит подготовка, Владимир Петрович? — спросил он холодно.

— Лучше всех, — спокойно ответил я.

Директор зачем-то решил вставить слово, будто его кто-то спрашивал.

— Ну... не совсем... то есть... подготовка пока только начинается, но мы, я вас уверяю, сделаем всё возможное...

— Ясно, — отрезал Аля, пресекая бляения Лени. — Я правильно понимаю, что 11 «Д» — это у вас тот самый экспериментальный класс?

— Да, — подтвердил я.

Аля молча снял свои чёрные очки, в которых щеголял с самого начала встречи. И я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок.

Левый глаз у Али был полностью выгоревшим, с мутной радужкой. Тот самый взрыв в машине, когда я бросил гранату... тогда ему просто чертовски повезло. Мы встретились взглядами. Второй, живой глаз Крещенного буквально смотрел мне прямо в душу.

Я не отвёл взгляда.

Секунда, две... и воздух будто сгустился между нами, натянулся как струна.

— Ну... удачи вам с подготовкой, — сухо бросил Аля с ленивой издёвкой.

Понятно, что никакой удачи он мне не желал. Эта фраза звучала так же искренне, как благословение от палача. По глазам Али было видно, что он не верит ни на грош. Ни в меня, ни в школу, ни тем более в то, что я способен добиться чего-то значимого с экспериментальным классом. Для него я был просто ещё один неудачник, которого Крещенный проглотит даже не жуя.

Мне же было забавно происходящее. Аля ведь не понимал, кто перед ним... Он ведь даже не догадывается, что сейчас стоит лицом к лицу с Володей из девяностых.

Тем, кого он предал и кого считал мёртвым.

Честно?

Жаль, что я тогда не добил Крещенного. Он оказался живучий, как крыса. Хотя, пожалуй, сравнение даже мягкое и для крысы оскорбительное.

Но ничего... Так-то на каждую крысу найдётся своя ловушка.

Быстро потеряв ко мне малейший интерес, Аля снова начал бросать взгляды в сторону математички.

— А можно я скажу, Леонид Яковлевич? — вдруг подала голос завуч.

Директор приоткрыл рот, явно собираясь вежливо отказать Мымре, чтобы не сболтнула лишнего. Но Аля опередил Лёню буквально на долю секунды, чуть приподняв ладонь:

— Говорите, — разрешил он.

Завуч будто расцвела от предоставленной возможности.

— Вы знаете, — затараторила она, — наш спортзал, конечно, требует ремонта. Мы стараемся, поддерживаем как можем, но без финансирования... ну посмотрите сами!

Мымра сделала выразительный жест рукой, обведя спортзал по периметру.

— Этот паркет... хотя паркетом язык не повернётся назвать! Доски здесь лежат с конца восьмидесятых! Мы их красим, подновляем, шпатлюем, но они уже прогибаются, ходят ходуном! А дети ведь здесь бегают, прыгают... один неосторожный шаг — и можно получить травму.

Я покосился на неё, поражаясь тому, как ловко завуч выстроила речь, словно готовила её заранее. Конечно, интересно она всё-таки баба, своевольная. Я ведь просил никому не открывать рот...

Ну да ладно. Мымра, похоже, нюхом чуяла, где власть. Ну и стоило появиться кошельку в лице Али, и тут она как лиса перед курятником начала заискивать перед ним...

Аля, между тем, слушал и не перебивал.

— А ещё посмотрите на наши баскетбольные кольца, — не унималась завуч. — Они давно нуждаются в замене! Сетки так уже лет десять оборваны, щиты треснутые, а ведь дети занимаются ежедневно!

Мымра всплеснула руками, показывая своё искреннее возмущение этим «безобразием».

Аля продолжал делать вид, что слушает. Стоял, слегка покачиваясь, сунув руки в карманы. Но по выражению его физиономии мне было видно, что Крещенному чхать на школьные проблемы. Ему вообще не до школы.

Но завуч, словно не замечая этого, продолжала тарыхтеть. Упрямая баба.

У неё этот внутренний стержень, или, как она сама говорила, «гражданская позиция», срабатывал в любой ситуации. Даже когда напротив стоит человек, который одним движением пальца может оставить Мымру без работы, а то и без здоровья.

Наконец Соня закончила свой монолог пафосно, как на педсовете:

— В общем, я вас очень прошу, по возможности, выделить финансирование для нашего спортзала. Оно действительно необходимо, сами видите.

Аля помолчал секунду, смотря на Мымру своим живым глазом. И снова надел очки.

Тишина висела слишком долго, и чтобы хоть как-то её разрядить, наша физичка неловко закашлялась. Наконец Аля ответил, чуть растягивая слова:

— Ну... если школа выиграет олимпиаду, — он медленно перевёл взгляд на меня, — то, конечно, финансирование появится. И всё будет. И паркет вам поменяют, и кольца, и даже потолок подкрасят. Обещаю.

Вот тут, судя по тону Али, он начал закипать, и Соне следовало бы заткнуться. О чём, кстати, ей всю сигнализировал директор, хмурия брови. Но завуч девчонка непослушная и восприняла «обещаю» Али как зелёный свет.

— Вы только представьте, — снова затараторила завуч, не замечая, как у Али на лице всё явственнее проступает раздражение. — У нас даже футбольное поле... вернее, одно его название! Там ведь и уроки проводить невозможно! Вся трава вытоптана, одна глина. Настолько спрессованная, что уже годами ничего не растёт! А асфальт на беговых дорожках весь пошёл трещинами, дети спотыкаются, падают...

Аля слушал молча, пока в его глазах не появилась лёгкая скука, смешанная с безразличностью. Потом коротко махнул рукой:

— Я вас услышал, — процедил он. — Как я уже сказал: если выиграете олимпиаду — получите финансирование. Всё будет. И поле, и трава, и асфальт новый постелим, хоть резиновый.

Он сделал паузу, а потом добавил с ядовитой ухмылкой:

— А если не выиграете... ну, тоже ничего страшного не произойдёт. Всех ваших детей распределят по другим школам.

Завуч вздрогнула, видимо наконец поняв, что добродетель из этого уroda так себе.

Причём сказаны были эти заверения с таким тоном, будто Аля, улыбаясь, вытер ноги о Мымру. Всё как двадцать лет назад.

Только теперь Крещенный делал это в строгом костюме, а не в малиновом пиджаке.

Глава 2

Я, понимая, что Алю надо отвлечь, подмигнул Эльвире, подавая сигнал к началу следующего акта нашей постановки. Да, рановато, конечно... но кто ж знал, что Мымра влезет туда, куда влезать её никто не просил?

Математичка прекратила растяжку, гордо подняла подбородок и направилась к выходу из спортзала. Шла как актриса, покидающая сцену под завистливые взгляды зрителей.

Аля быстро переключился с завуча на свою жертву и проводил Эльвиру взглядом, ничуть не стесняясь окружающих.

Эльвира, кстати, отыгрывала свою роль исправно. Математичке явно нравилось такое внимание Али к своей персоне. Почти любая женщина в её положении вела бы себя точно так же — успешный мужчина, уверенный, с деньгами, и смотрит именно на неё.

После долгих лет жизни с мужем-алкоголиком, который, по рассказам коллег, неделями валялся под телевизором и забывал поздравить жену с днём рождения... это внимание было сродни приговору старой жизни и обещания новой.

Директор, тоже пытаясь сгладить ситуацию, быстро вернул разговор к «официальной повестке»:

— На самом деле школа у нас со спортивными традициями. Наши ученики неоднократно становились призёрами районных и городских соревнований!

Аля кивнул, вроде как слушая, но его взгляд всё ещё был прикован к двери, через которую только что вышла математичка. Естественно, как только дверь за Эльвирой закрылась, интерес к спортзалу у Али мгновенно иссяк.

— Леонид Яковлевич, понятно всё. Давай дальше, что там у нас по расписанию?

— Но я ещё хотел показать вам гимнастические снаряды...

— Не нужно, — отрезал Аля. — Я уже понял, что школа у вас действительно спортивная. Раз уж ставку делаете на олимпиаду по физкультуре — значит, с физической подготовкой всё в порядке, — ухмыльнулся он.

— Ну тогда... — директор развёл руками. — Пойдёмте дальше!

Аля развернулся и пошёл к двери, сунув руки в карманы. Я же поймал себя на мысли, что практически не видел телохранителя Крещенного, а он между тем всё время был в спортзале. И сейчас тоже застыл за шефом тенью.

Директор засеменял следом, растерянно кивая, как болванчик. По его лицу было видно, что Лёня так и не понял, то ли Аля его похвалил, то ли унизил. Интересно, а Лёня понимал, что этот визит носит чисто формальный характер? Вон Мымра, вроде баба смекалистая, а на полном серьёзе считает, что Аля может школе помочь. Хотя даже не так: может-то он может. А вот хочет ли?

Для меня интерес этого новоявленного бизнесмена был прозрачен и более чем понятен. Земля под школой муниципальная, и по документам отжать её будет ой как непросто. Впрочем, «непросто» и «невозможно» давно уже не синонимы.

Если знаешь, куда занести и кому позвонить — любую подпись поставят и любой акт перепишут так, как нужно.

А Аля знал.

Просто соблюдал формальности. Эту роль мецената он, судя по всему, играл для того, чтобы землю отжать было проще.

И вот это — самое мерзкое.

Я стиснул зубы, глядя, как Аля уверенно идёт впереди, чувствуя себя как король в окружении свиты. Ничего, дружок, на этот раз у тебя не получится ни черта...

Как бы там ни было, я уже понимал, что всё решено задолго до нашего «представления». Олимпиада здесь — чистая формальность, завалуированная под шанс. На самом деле шанса не было вовсе.

Выиграть олимпиаду с этим классом? Смешно. Эти ребята давно вышли из возраста, когда верят в школьные идеалы. Спорт, олимпиады, грамоты — всё это для них такой же театр, как и для нас сегодня.

Ирония в том, что мой спектакль для Али должен был убедить его именно в этом. Школа дряхлая, дети ленивы, учителя отчаянно держатся за остатки совести. А потому выиграть олимпиаду попросту невозможно.

Я рассчитывал, что Аля уедет с чувством полного превосходства — довольный, расслабленный и уверенный, что всё идёт по его сценарию.

А я, в свою очередь, играл свою роль: давал ему всё, чего он хотел. Показная важность, развлечение, ощущение власти. Получите — распишитесь, что называется.

Пусть этот ушлый думает, что всё под контролем. Пусть успокоится и расслабится настолько, чтобы упустить контроль над ситуацией.

И хорошее настроение для этого — лучший инструмент. Сытые шакалы не рыщут по округе. Если мысли Крещенного будут кружить вокруг лосин нашей математички, то он не будет вспоминать разговор о ремонте спортзала.

Пусть считает, что я — наивный физрук, у которого тямы хватит разве что провести зарядку на линейке. Главное, чтобы он не заметил, что это он сейчас играет в мой спектакль...

Я шёл в нескольких метрах от Али Крещенного и увидел, как он подзывает к себе своего телохранителя. Тот сразу подошёл к шефу, и Аля, наклонившись к нему, начал что-то шептать. Я прислушался и сумел различить слова.

— Вадик, видел бабу в спортивном зале? — спросил Аля.

Короткий кивок в ответ.

— Так вот, мне нужно, чтобы ты узнал, кто она такая, и от моего имени пригласил её на ужин. Свяжись с моей секретаршей, скажи, чтобы всё организовала и вписала в мой график. Задача ясна?

Телохранитель снова кивнул, принимая поручение. Причём сделал это ничуть не смутившись. Видимо, такие поручения от шефа ему было получать не впервой.

Я задумался — интересно, а у Крещенного жена есть или нет? Хотя подчас такие вот товарищи одаривают своих жён шубами и бриллиантами, чтобы жить так, как им хочется.

Не стану никак это комментировать, потому что у каждого своя жизнь и у каждого своя голова на плечах. Но вот касаясь математички... надо бы Эльвиру как-то предупредить о том, чтобы не заигралась. Ей совершенно ни к чему связываться с этим мерзавцем.

Аля из разряда тех, кто поматросил и бросил...

В остальном, конечно, Аля остался верен себе. Он и двадцать лет назад никогда не делал ничего сам, всё шло через посредников. Тогда это были шестёрки, теперь же это были «личные помощники».

Вот уж действительно, понты — это образ жизни. Я, хоть и имел такую же возможность в прежние годы, никогда такого формата не понимал. Далеко за примером ходить не надо. Даже если Але понравилась женщина, он, вместо того чтобы подойти, поговорить и проявить хоть каплю человеческого интереса, слал вместо себя громилу в чёрном пиджаке. Так, будто свидание можно «назначить», как совещание в офисе.

Телохранитель, получив приказ, отошёл чуть в сторону, видимо набрав номер секретарши.

— Прошу сюда, — голос директора вернул всех к реальности. — Следующим пунктом нашей экскурсии будет школьная столовая.

Мы прошли по коридору. Аля пару раз скользнул взглядом по облупленным стенам, ничего не говоря. Из столовой уже отчётливо слышались запахи — варёная капуста, кипячёное молоко и ещё что-то, честно говоря, смахивающее на запах носков.

Лёня, как обычно, из кожи вон лез и старался придать всему торжественности:

— В нашей замечательной столовой соблюдаются все стандарты и рекомендации по питанию школьников разных возрастов, — вещал он.

Мы подошли к обшарпанным деревянным дверям, выкрашенным в унылый серо-зелёный цвет. Краска на них вздулась, было видно, что этим дверям лет сорок, если не больше. Да, их периодически подкрашивали, но это не помогало. От времени не закрасишься, как бы ни хотелось обратного.

— А вот и наша столовая, — бодро объявил директор. — Прошу любить и жаловать!

Он распахнул дверь, приглашая бизнесмена войти. Петли были такие же ржавые, как двери, и противно заскрипели, заставляя Алю поёжиться. А я не сразу, но догадался, что талант оратора в Лёне проснулся не просто так — он хотел, чтобы скрипа петель было не слышно. Хитрый, блин.

Аля зашёл внутрь, и на его лице появилась искренняя эмоция — смесь любопытства и лёгкого брезгливого интереса.

Внутри столовая выглядела так, словно время здесь остановилось где-то в девяностых и с тех пор просто устало идти дальше. Всё было до боли знакомо, будто я шагнул в прошлое.

Длинные столы из лакированной фанеры, с углами, сбитыми о портфели. На них была клеёнка с выцветшими рисунками цветочков и фруктов, которые когда-то, возможно, и радовали глаз, а теперь напоминали о советском дефиците. Шторы на окнах, некогда жёлтые, выцвели, но были на удивление чистые.

Вообще, как и в остальной школе, в столовой была чистота и порядок.

Я провёл ладонью по спинке ближайшего стула, и пальцы ощутили знакомую шероховатость лака, которому лет сорок, не меньше.

Да, всё здесь родом из другой эпохи — эпохи, где обед стоил копейки, а дети ели манную кашу... и лично меня это не могло не радовать. Если абстрагироваться от обшарпанных стен и вечной серости, то выглядело всё вполне опрятно. Даже Аля, осмотревшись, не нашёл повода для яда.

— У нас, конечно, не всё новое, — торопливо заговорил директор, словно угадав мои мысли, — но зато всё чисто. И санитарные нормы соблюдаем в точности.

Аля лишь лениво кивнул, принохаясь к запаху тушёной капусты и морща нос. Он медленно прошёл между столами, провёл пальцем по клеёнке, посмотрел на палец — чисто.

— Ну, хоть не свиарник, — буркнул он.

Это, пожалуй, было самым высоким комплиментом, на который Аля был способен.

— Конечно, бывают столовые и получше, — затараторил директор, заранее оправдываясь. — Но у нас уютно, повара опытные, кормят хорошо. Дети не жалуются.

Аля критически оглядывал помещение, продолжая принохиваться. Да, Крещенный давно забыл, как пахнет настоящая школьная столовая. Когда-то ведь сам ел в таких, алюминиевой ложкой борщ... Но годы ресторанов и дорогих вин быстро стирают прошлое.

Теперь Аля был привычен к мраморным столешницам и к меню, где за одно блюдо можно потратить половину учительской зарплаты.

— М-да, дыра, конечно, конкретная, — всё-таки выдал он неутешительный вердикт.

Директор неловко пожал плечами.

— Ну... что поделать. Всё же бюджетное учреждение.

Он быстро добавил, пытаясь хоть чем-то смягчить удар:

— Мы бы хотели угостить вас тем, что едят наши школьники. Чтобы вы сами увидели, как мы кормим детей.

Аля вскинул бровь.

— Угостить? Это интересно.

Я молча наблюдал, как Лёня поворачивается к поварихе и кивает в сторону раздаточной. Хорошо... всё идёт по плану.

Критический настрой Али мне был даже на руку. Главное тут — не переубедить его, а удивить ровно настолько, чтобы сбить спесь и выбить почву из-под уверенности, будто он всё уже понял.

Наша «делегация» подошла к раздаче.

Там стояла женщина лет пятидесяти с лишним — полная, добродушная. В белом халате и крахмальном колпаке, который то и дело сползал на бок. Щёки розовые, глаза усталые, но зато улыбка настоящая.

Она, увидев директора и «высокого гостя», сразу расправила плечи, поправила халат и радостно выдала:

— Прошу, угощайтесь, у нас сегодня свежая перловочка, суп картофельный с курицей, капуста и чай с лимоном. Ну и хлеб нарезной.

На раздатке стояли металлические лотки, от которых поднимался лёгкий пар — суп, каша... Всё дёшево, просто, без изысков, но аккуратно. Та самая школьная еда, где главная цель — накормить организм без особых гастрономических изысков.

Аля скользнул взглядом по подносам.

Морщинка на его переносице дрогнула, а губы скривились. Видно было, что запах тушёной капусты вызывал у него почти физическое отвращение.

Он даже сделал шаг назад, будто отодвигаясь от этого «мирка нищеты».

— Благодарю, — сказал он сухо, — но, пожалуй, я воздержусь.

И уже собирался повернуться к выходу, давая понять, что экскурсию можно считать завершённой.

Директор заметно напрягся. Он быстро переглянулся со мной. В глазах Лёни читалось беспокойство: всё, Володя, твой номер не прошёл, ты его только разозлил.

Лёня нервно поправил пиджак, наклонился ко мне и зашептал:

— Володя, ты, по-моему, ошибся. Ему это всё явно не по вкусу. Я же говорил, что надо было заказать еду из кафе, ну хоть что-то посолиднее... Может, ещё успеем привезти?

Я покачал головой.

— Не беги вперёд паровоза, Лёня. Сейчас всё будет. Я знал, что этот номер нельзя было провалить. И знал, что Але нужна была не вкусовщина, нет. Ему была нужна эмоция.

Ну а эмоция уже стояла за дверью кухни, готовая «войти» по моему сигналу.

Я сделал короткий кивок поварихе, и она сразу поняла. Толстушка развернулась, открыла дверь на кухню. Из-за двери повалил густой, тёплый, домашний запах.

Аля, уже сделавший шаг к выходу, замер. Моргнул, вдохнул, потом вдохнул ещё раз — глубже. В нос ему ударил аромат свежих, только что вынутых из духовки пирожков.

Я слышал, как он непроизвольно сглотнул слюну. Да, вот это уже другой разговор. Запах был настолько насыщенный, что даже я, зная заранее, что будет, едва удержался, чтобы не улыбнуться.

Аля же медленно повернулся обратно, будто в нём сработал инстинкт. Глаза сузились, в них мелькнуло любопытство, а, может, воспоминание.

— Это... что так пахнет? — спросил он явно заинтересованно.

— Это у нас с пылу с жару пирожки с ливерной колбасой, — охотно пояснила повариха.

— Хм... — Аля недоверчиво хмыкнул.

В тот же момент из кухни вышла женщина помоложе, держа перед собой поднос, от которого шёл пар. На подносе был целый ряд румяных пирожков, идеально одинаковых, хрустящих

по краям. Там же стоял пузатый кувшин с компотом из сухофруктов, с плавающими кусочками яблок и груш.

Я знал, что Аля в своё время обожал именно эти пирожки и этот самый компот. Он мог съесть полдюжины пирожков, а потом ещё просить добавку. Поэтому я заранее попросил повара приготовить «как тогда», чтобы сбить с него спесь и вернуть в прошлое.

И сработало.

Аля, едва вдохнув аромат, заметно смягчился. Его взгляд потеплел, он сглотнул, облизываясь, и подошёл ближе к подносу, будто боялся, что кто-то успеет схватить раньше.

— Хотите попробовать наших пирожков? — предложила повариха, пододвигая тарелку.

Аля на мгновение замялся, будто совесть подсказывала, что несолидно. Но аромат сделал своё дело — рука сама потянулась к пирожку.

— А вот это я буду, — заявил Аля.

— И компотик хотите? — уточнила повариха, улыбаясь, будто уже знала ответ.

— Всё буду, — заверил Крещенный.

Повариха сразу же наложила ему на тарелку три румяных пирожка, налив сверху густой, тёплый компот из сухофруктов. Поднос с дымящейся едой поставили перед ним. Аля, не дожидаясь приглашения, взял его и направился к ближайшему столику.

Сел, придвинул стул и, словно забыв обо всём на свете, принялся есть с настоящим аппетитом. Кусал пирожок за пирожком, запивая компотом, и всё вокруг словно перестало для него существовать.

— А у вас что в меню такое есть? — спросил он между глотками, не поднимая глаз.

Директор замялся с ответом, явно не зная, что сказать. В официальных списках, конечно, такого блюда не было.

На выручку пришла Мымра.

— Да, хоть это и не входит в рекомендованные блюда, но дети очень любят. Повар Татьяна иногда готовит такие пирожки, дети постоянно просят.

Аля довольно кивнул, не переставая есть. Щёки у него порозовели, взгляд стал мягче, и на лице появилось выражение настоящего удовольствия.

— Вот это правильно, вот это я понимаю — по-человечески, — нахваливал он стряпню.

В итоге Аля осилил аж четыре пирожка, запивая их компотом. Он довольно откинулся на спинку стула.

— Съел бы ещё, да уже не лезет, — признался он, вытирая губы салфеткой.

Я усмехнулся и сказал:

— Раз уж нашему уважаемому гостю пирожки так пришлись по душе, упакуйте-ка, Татьяна Алексеевна, с собой. Пусть и потом ещё вспомнит нашу столовую добрым словом.

— Правильно говорите, — кивнул директор, стараясь подыграть.

Но было видно, что в глубине души Лёня не ожидал такого поворота. Уж точно он не думал, что визит серьёзного бизнесмена обернётся пирожками с ливерной колбасой.

Аля между тем, заметно повеселев, решил проявить широту души:

— А вы чего стоите? Берите тоже, пробуйте, — он кивнул на поднос, где оставались пирожки. — У вас, я вижу, повариха талантливая.

Отказываться, конечно, никто не посмел. Все — и директор, и завуч, и остальные сопровождающие — взяли по пирожку. Правда, видно было, что еда пришлась им не по вкусу. Но, как водится, все жевали с вежливыми улыбками, делая вид, что наслаждаются.

— Упакуй остальное, — обратился Аля к своему телохранителю, который терпеливо стоял чуть поодаль. — Потом в машине поем.

Телохранитель кивнул и направился к поварихе.

А я, наблюдая эту сцену, подумал, что момент подходящий. Пока Аля занят едой, можно проверить, готово ли всё в мастерской. Класс труда был следующей точкой нашей программы.

Я, стараясь не привлекать внимания, бочком-бочком выскользнул из столовой. Все были заняты Алей, его рассказами и пирожками, так что моё отсутствие осталось незамеченным.

Глава 3

Я быстро направился к мастерской, где проходили уроки труда. Беспокоился я не основательно. Дело было в том, что трудовик заявил, что хочет лично встретить бизнесмена — «всё по уму показать, чтобы впечатлить».

И вот теперь я шёл проверить, что он там «впечатляет». Потому с моей стороны трудовику было чётко обговорено — инициатива здесь не нужна.

Подойдя к двери кабинета, я увидел, что она закрыта. Перед ней стояли трое парней из продлёнки, которые должны были изображать на мнимом уроке активную деятельность.

— Что такое, мелюзга? — спросил я, останавливаясь рядом. — Почему не заходите в кабинет?

— Так трудовик сказал выйти, — охотно ответил один из пацанов, энергично почесав затылок. — С кем-то разговаривает там. Сказал не мешать.

— Понятно, — я посмотрел на закрытую дверь.

Как говорится, хочешь, чтобы дело было сделано хорошо — сделай сам. Я дёрнул ручку двери — не заперто. Осторожно открыл, вошёл внутрь и прикрыл за собой. В самой мастерской не было ни души. Голос трудовика доносился из подсобки. Он разговаривал с кем-то по телефону.

Не имею привычки подслушивать, но разговаривал этот мутный товарищ слишком громко. Если бы и хотел не услышать, так не получилось бы.

— Да подожди ты, не сахарная — не растаяешь! — говорил трудовик раздражённо. — Ты же видишь, у меня сейчас важные дела... Да знаю я, знаю, что обещал, но не могу сейчас всё бросить и уйти. И знаешь почему.

Судя по всему, на том конце провода была не завуч. Но разговаривал трудовик со своей женщиной... тот ещё жук — пока другие стараются, этот тут решает сердечные вопросы с любовницей. Ну или не с любовницей... короче, хрен поймёшь.

Я громко откашлялся, чтобы не подслушивать дольше, а заодно дать ему понять, что не один.

Из подсобки донёсся резкий шорох — будто трудовик едва не выронил телефон.

— Э-э... да, потом перезвоню, жди, короче, — буркнул трудовик в трубку и быстро нажал на отбой.

Следом вышел, стараясь изобразить деловой вид. Телефон сунул в карман и, не скрывая раздражения, спросил:

— Тебе чё надо?

— Пришёл тебя проконтролировать.

— Меня контролировать не надо, — огрызнулся трудовик, — ты лучше себя контролируй!

Я чуть приподнял бровь.

— Себя я уже проконтролировал, теперь твоя очередь. У тебя ничего не готово, а наш гость придёт с минуты на минуту.

Трудовик скривился, как будто я ему на ногу наступил.

— Да я бы с удовольствием отдал тебе это представление, — выпалил он. — Тем более ты такую дурь придумал в качестве встречи этого мужика, что самому стремно смотреть будет. Но уж нет... хочу поучаствовать. Посмотреть, как ты облажаешься на полную катушку.

Я медленно выдохнул.

— Тон сбавь при разговоре со мной, — предупредил я.

— А то что? — трудовик усмехнулся. — Побежишь жаловаться руководству? Или заедать своё горе выпечкой и конфетами?

Он с демонстративным видом сунул руку в карман и достал оттуда шоколадную конфету.

— На, покушай, — сказал он с издёвкой, протягивая конфету мне. — Хотя успокойся.

А то на тебе лица нет. Ну а потом катись к чёрту, идёт?

Я посмотрел на него молча. Он явно ждал, что я всплыву... Но я просто перевёл взгляд на дверь, понимая, что пока время есть, стоило бы провести с трудовиком воспитательную беседу.

— А конфетка-то вкусная? — уточнил я.

— Конечно вкусная, — ухмыльнулся тот, перекачивая конфету по ладони.

— Слушай, ну давай, я попробую, — сказал я тем же ровным тоном. — С удовольствием съем.

Трудовик хмыкнул, довольный собой, и, не подозревая подвоха, протянул руку с конфетой.

— Бери, — сказал он с издёвкой.

Я подошёл ближе, как будто действительно собирался взять сладость. Рука потянулась вперёд... и в следующий миг я нанёс короткий, чёткий удар под дых.

Ровно в солнечное сплетение.

Трудовик согнулся пополам, судорожно хватаясь руками за живот. Лицо побледнело, изо рта вырвался болезненный сип.

Он инстинктивно рванулся к верстаку, схватил киянку и поднял её, пытаясь перехватить инициативу.

— Ты... сука... — прохрипел он, шипя сквозь зубы.

Я увернулся от замаха киянкой и моментально перехватил его запястье. Тотчас схватил вторую руку, и, пока трудовик не понял, что именно я хочу, кисти оказались в тисках на верстаке. Я зажал губки так, чтобы пальцы и запястья оказались прочно зафиксированы.

Трудовик задыхался, корчил обличающие гримасы и впивался глазами в меня. Но выбраться он не мог — механизм держал крепко.

— Отпусти, козёл, ты охренел! — шипел он, вся его маска уверенности тотчас улетучилась.

— Отпущу, — пообещал я, — но сначала уясни для себя одну простую вещь. Так себя вести я тебе не позволю. Ни теперь, ни в следующий раз.

— Так раньше я шутил, и ты нормально реагировал, — зашипел он.

— Раньше было раньше, — сказал я, — а теперь, дружок, время изменилось. И я предупреждаю, что в следующий раз я не просто зажму тебе руки в тисках, а сломаю на хрен твои куриные косточки.

Трудовик плюнул на пол, оскорблённо ругаясь. Правда, в его голосе слышалась уже больше испуганная злоба, чем храбрость. Я же чуть сильнее зажал тиски.

Нет, кости я ему ломать не собирался... Хотел сделать так, чтобы он ясно почувствовал, что не прав.

И боль предсказуемо победила гордыню. Взгляд трудовика стал растерянным и уже менее вызывающим. Он стонал, двигая плечами, пытаясь найти удобное положение. Его глаза метались, и на секунду мне показалось, что он осознал — игра закончилась.

Я же не торопился отпустить. Пусть сам попросит.

Трудовик застонал, скривился от боли, но терпел — порог его боли оказался выше ожидаемого.

— Отпусти, с-сука... ты мне кости переломашь.

— Ты о своём поведении подумал? — как ни в чём не бывало спросил я.

Наклонился, подобрал с пола конфету и медленно, почти церемонно развернул обёртку. Следом протянул конфету этому товарищу.

— Съешь. Если что, сладкое заставляет мозг работать лучше, а тебе сейчас надо думать. Может, додумаешься, что так поступать нельзя?

— Пошёл ты на хрен. Отпусти, я тебя сейчас убью, — в его словах слышалась попытка скрыть страх.

— Ладно. Раз по-хорошему не хочешь — будем по-плохому.

Я начал подкручивать тиски. Трудовик сжал зубы, глаза у него метались, внутри боролись гордость и расчёт. Молчание длилось несколько секунд — этого времени было достаточно, чтобы он осознал последствия.

Трудовик ещё поупирался, похрипел и подёргался, пытаясь вырвать руки. Но я держал тиски крепко, понимая, что долго он не выдержит. Упрямство таких держится на показной бравате, а не на характере.

— Рано или поздно ты всё равно откроешь рот и скажешь «а-а». И заодно скушаешь свою же конфету. Раз она такая вкусная, пусть идёт на пользу делу.

Всё это, конечно, выглядело жёстко — со стороны, возможно, даже чересчур. Но подобные «шуточки», как позволил себе отпускать этот тип, нужно выжигать каленым железом.

— Володя, отпусти, я так...

— Что?

— Я так не...

Он не договорил — дверь мастерской распахнулась. На пороге стояли трое мальчишек из продлёнки — те самые, что торчали под дверью.

Все трое замерли, уставившись на нас, глаза сделались как блюдца. Один из них пискнул:

— А..., а что вы делаете?

— Да мы вот с товарищем трудовиком обсуждаем нормы техники безопасности. Практическое занятие.

Я улыбнулся и отпустил руки трудовика. Тот, шипя, отпрянул, глядя на свои кисти.

Пацаны переглянулись — то ли поверили, то ли решили, что лучше не лезть. Трудовик, красный от злости и унижения, молчал, потирая руки, а я медленно повернулся к ребятам:

— А вы чего стоите? Давайте, молодые, готовьтесь к уроку. Сейчас начнём.

Они послушно пошли к столу, а я покосился на трудовика.

— Видишь, как хорошо вовремя прервали. А то вдруг бы действительно сломал тебе пару пальцев — неудобно бы вышло перед детьми.

Трудовик, массируя ладони, попытался выдать привычную ухмылку, но вышло откровенно так себе.

— Я тебе так это не оставлю, — процедил он.

— Обязательно сочтёмся, — я подмигнул в ответ.

Подошёл к пацанам, которые уже сидели за партой, с нетерпением ожидая, что будет дальше. Один из них держал в руке колоду карт. Таков был наш сегодняшний «инструмент».

— Так, пацаны, — начал пояснять я, — у нас задача на сейчас простая: собираем карточный домик. Кто в курсе, как его выставлять?

— Надо посмотреть, как это делается в интернете, Владимир Петрович, — ответил один из них, уже доставая телефон.

— Ну вот и смотрите, у вас есть пару минут, чтобы разобраться и начать собирать. Когда гость зайдёт, надо, чтобы уже было на что посмотреть.

— Хорошо, Владимир Петрович, всё сделаем! — почти хором ответили пацаны и сразу включились в работу.

Телефоны замелькали в руках, включили видеоурок. Конечно, это было не совсем то, чему обычно учат на трудах... Но это сейчас было неважно.

Трудовик стоял в стороне, прислонившись к верстаку, и с кислой миной наблюдал, как пацаны сооружают карточный домик. По лицу было видно, что происходящее ему не нравилось.

— Бред предлагаешь, — фыркнул он. — Я даже готов пятёрку поставить, что ты обосрёшься, и наш гость покрутит пальцем у виска.

— Деньги побереги, — ответил я, не оборачиваясь.

— А чё, ссышь поспорить? Или денег нет, чтобы со мной поспорить? — съязвил он.

— Деньги есть, — сказал я, выравнивая карту на верхнем уровне домика, который рос на глазах. — Просто спор должен иметь вес. Ставка должна быть существенной для обеих сторон, иначе смысла нет.

Трудовик напрягся.

— Что ты имеешь в виду?

— А то и имею, что пять тысяч для тебя не деньги. Потеряешь и не расстроишься. А спор без риска — это уже не спор.

— Хорошо, — оживился он, — давай поднимем ставки. На что спорить предлагаешь?

Я выдержал паузу, делая вид, что обдумываю.

— На музыкального лося.

— Это на что ещё?

Я едва удержался, чтобы не усмехнуться. Молодой вроде, а не знает.

— Узнаешь, — ответил я. — Посмотри в интернете.

Трудовик, хмурясь, достал телефон и начал искать в интернете, бормоча себе под нос:

— Музыкальный лось... интересно, что ещё ты выдумашь...

Пока он возился с телефоном, я повернулся к ребятам:

— Пацаны, вы запомнили тот фокус, который я показывал?

— Да, Владимир Петрович, — ответили они почти одновременно.

— Отлично. Тогда работаем по сигналу.

Пацаны кивнули, готовые действовать.

Трудовик так и не успел открыть видео — дверь кабинета распахнулась. На пороге выросла делегация из директора, учителей и, конечно, Али — главного гвоздя сегодняшнего дня.

— А вот и наш класс труда, — объявил директор, жестом приглашая Алю войти. — Здесь мальчишки познают, как становятся настоящими мужчинами.

Крайне сомнительное утверждение, если судить по субботнику, где половина не знала, с какой стороны держать кисть, а другая половина впервые взяла в руки грабли. Да и сам трудовик, если уж честно, вряд ли способен чему-то мужскому научить. Отбывает номер, и всё.

Я перевёл взгляд на трудовика. Он опустил телефон и сделал вид, что полностью готов к демонстрации.

— Так что, спорим? — шепнул я.

— Я еще не посмотрел, — так же тихо ответил трудовик, пряча телефон в карман.

— Так ты же уверен в своей победе, или нет? — я посмотрел на него с усмешкой, нарочно беря на слабо.

Трудовик вскинул подбородок.

— Да, уверен. Целиком и полностью.

— Ну тогда спорим, — я протянул ему руку.

Трудовик, не раздумывая, пожал, демонстрируя показное мужское достоинство.

— Я полагаю, что о кабинете труда и о наших успехах лучше всего расскажет наш уважаемый преподаватель! — послышался голос Лёни.

Трудовик заговорил напыщенно.

— Уроки труда — это основа воспитания настоящего мужчины. Именно здесь мальчишки получают первые навыки, которые формируют характер, дисциплину и умение работать руками.

Вещал то как... заслушаешься, блин. Аля, стоявший чуть позади директора, вполголоса заметил:

— Ну да, так и есть... труд сделал из обезьяны человека.

Аля медленно прошёлся по кабинету, глядя по сторонам. Его взгляд скользил по верстакам, по висящим на стене инструментам, по стопкам фанеры, аккуратно сложенным в углу.

Он взял в руки киянку, которой трудовик собирался меня отласкать, и покрутил её. Улыбнулся краешком губ, скорее с ностальгией.

Видно было, что вспомнил что-то из прошлого. Наверное, как сам когда-то работал подобной киянкой... только по пальцам тех, кто ему задолжал.

Аля аккуратно поставил киянку на место.

Заметив трёх пацанов, сидящих чуть поодаль и сосредоточенно возящихся за столом, подошёл ближе.

— А у нас сейчас урок труда? — спросил он, глядя то на них, то на трудовика.

— Ага, — ответил один из мальчишек, не поднимая головы.

— И чем молодёжь занимается? — поинтересовался Аля, скрестив руки на груди.

— Ну... — протянул трудовик, замявшись. — У нас, скажем так, экспериментальный урок...

— Какой? — уточнил Аля.

Трудовик молчал, явно не зная, что сказать, начал мямлить что-то невнятное. Но Аля уже не слушал. Сам подошёл к столу, где сидели пацаны, и посмотрел, что они делают.

В мастерской повисла тишина. Все следили за Алей, который подошёл к столу, где пацаны, склонив головы, осторожно ставили очередную пару карт, чтобы завершить верхний ярус карточного домика.

— Фига... какие у вас тут уроки труда, — хмыкнул он, не то с удивлением, не то с иронией.

Тон был двусмысленным, непонятно, ему понравилось или нет.

Трудовик бросил на меня торжествующий взгляд. Мол, всё, проспори́л, Володя, сейчас этот твой цирк с картами при всех разнесут в пух и прах.

— Ребята отрабатывают ловкость рук, — объяснил я.

— На трудах? — уточнил Аля.

— Именно, — заверил я.

Аля глянул на карточный домик. Лёня напрягся, а завуч, не удержавшись, подошла ко мне ближе и зашипела:

— Владимир Петрович, с такими вот фокусами школу можно и закрыть. Спасибо вам за такую «помощь». С такими друзьями и враги не нужны!

Я повернулся к ней.

— Раз доверилась — смотри молча.

Тем временем Аля смотрел на карточный домик, и в глазах его мелькнул знакомый блеск.

— А я, пожалуй, попробую вытащить одну карту... Сделаю это так, чтобы домик не упал.

Все вокруг начали переглядываться, не ожидая такой реакции.

Я же прекрасно знал, почему Алю зацепило.

Крещёный всегда любил карты, причём в любых их проявлениях. Когда-то он мог часами сидеть за игрой, а в девяностые считался шулером высокого класса: читал выражения лиц, блефовал, выигрывал у кого угодно. У него азарт был в крови, и сейчас Аля снова почувствовал знакомый вкус риска.

— Давайте посмотрим, есть ли у вашей школы шанс, — довольно продолжил он. — Представим, что карточный домик — это школа?

— Давайте представим, — ни жив, ни мёртв заблеял Лёня.

— Если я вытащу карту, а домик не рухнет — значит, шанс у вас есть. А если упадёт... ну что ж, на нет, как говорится, и суда нет.

Директор сильнее побледнел. Завуч прикрыла рот рукой, а трудовик довольно потирал ладони. Пацаны-ученики замерли, боясь дышать, чтобы домик, не дай бог, не рухнул. Конструкция-то хлипкая.

Аля медленно протянул руку, точно шулер перед решающим ходом. Пальцы скользнули к середине домика, нащупали карту. Он чуть потянул, останавливаясь каждый раз, когда конструкция едва заметно дрожала.

Я сложил руки за спиной, нацепив на лицо спокойствие и выражение каменной невозмутимости. Аля, сосредоточенно прищурившись, ловко и точно потянул одну из карт. Его движения были выверены до миллиметра — как у опытного шулера, кем он, по сути, и был.

Карта мягко вышла из середины конструкции. Все, кто стоял рядом, инстинктивно задержали дыхание, ожидая, что домик сейчас рухнет.

И конструкция, чёрт её возьми, начала ходить ходуном...

— Господи, Владимир Петрович... что вы такое придумали, — прошептал Лёня, обращаясь ко мне. — Теперь мы точно пропали...

Глава 4

Домик завибрировал..., но остался стоять. Удивительно ровно, будто нарочно держался наперекор гравитации.

Звенящая тишина тотчас взорвалась аплодисментами. Пацаны заулыбались, даже директор облегчённо выдохнул. Аля усмехнулся — довольный, уверенный, он чуть приподнял карту, показывая всем, что домик цел.

— Вот так вот, — сказал он, улыбаясь, — значит, шанс у вас есть.

Крещенный оглядел всех, явно наслаждаясь моментом, и добавил с тем самым азартом в голосе:

— Ну что, кто следующий рискнёт?

Желающих не нашлось. Я же не лез специально.

— Леонид Яковлевич, давайте вы попробуете... — выдвинули кандидатуру директора училки.

Лёня замаялся, бурча невнятно «а чё я, девочки». Но, поддавшись общему порыву, так подошёл к карточному домику.

— Раз уж у нас интерактивный формат... попробую, — зашептал он.

Лёня наклонился, осторожно взялся за край карты — и через секунду вся конструкция посыпалась. Домик рухнул мгновенно, будто ждал именно этого касания.

Понятно... на такой эффект Аля как раз и рассчитывал. Показать, что он лучше всех. Да-да, происходящее ему чертовски нравилось, он чувствовал себя как рыба в воде.

Оттого трудовик и побледнел, стоял с перекошенным лицом и смотрел на меня обречённо. Он прекрасно понимал, что спор проигран.

Я встретился с ним взглядом, чуть приподнял бровь и, не произнося ни слова, едва заметно кивнул пацанам-ученикам. Те, не теряя ни секунды, собрали рассыпавшиеся карты в аккуратную колоду.

— А хотите, мы вам карточный фокус покажем? — поступило предложение Крещенному.

Директор тут же всполошился:

— Так, мальчики, сейчас у нас не про карточные фокусы. В школе вообще не надо показывать карточные фокусы... — начал Лёня с лёгкой паникой в голосе, но договорить не успел.

Я молчал, не вмешиваясь. Никто, кроме меня и ребят, не знал, что это была заранее подготовленная часть. Для всех остальных это была неожиданность, даже для Лёни.

Аля усмехнулся, поигрывая всё той же картой, что достал из домика. В его взгляде блеснул интерес.

— А вот это мне нравится, — сказал он. — Давайте, покажите.

Ребята заулыбались, переглянулись и сразу включились в игру. Один из них, самый смыслённый, протянул колоду Але.

— Пожалуйста, загадайте любую карту. Только не показывайте нам.

Я краем глаза наблюдал за Алей. Он выбрал карту, вытащил её из колоды, мельком взглянул и сунул обратно внутрь.

— Чтобы не было сомнений, — сказал директор, доставая блокнот, — я запишу, какая карта загадана, но никому не скажу.

— Правильно, — кивнул Аля, — всё по-честному.

Пацаны начали мешать колоду. Листы карт шелестели, скользили между пальцами, ложились в ровную стопку. Затем «старший» из них протянул колоду Але:

— Теперь ваша очередь, — сказал он. — На счёт «три» вы поднимаете три карты. И третья — будет именно та, которую вы загадали.

Аля приподнял бровь, усмехнулся:

— Ну давайте, проверим.

Он узнал этот фокус. Тот самый, который показывал сам, ещё в девяностых. Всегда говорил, что «подсмотрел в малолетке», где мотал срок. И Крещенный любил этот трюк, считал почти своим талисманом.

Фокус был старый, известный, но рассчитанный на зрителя, который не знает приёма. Эффект заключался в том, что человек начинает вытаскивать карты и на третьей попытке он вытащит ровно ту карту, которую загадал.

Сначала всё идёт мимо — первая, вторая карта, и уже кажется, что фокус провалился, но третья оказывается той самой загаданной.

Аля знал этот трюк до мелочей. Он взял колоду и... вытянул нужную карту. Движение было точное, уверенное, словно автоматическое — рука шулера знала, где лежит нужная карта.

Он перевернул её и с лёгкой усмешкой сказал:

— Вот она, моя карта.

Да, формально фокус не удался — вернее, он не был доведён до конца. Аля сам вытащил нужную карту, не дав ребятам разыграть завершение трюка. Но для меня всё шло идеально. Именно этого я и добивался. Я специально показал пацанам фокус так, чтобы он сорвался на последнем шаге.

— Ну что ж, — сказал Аля, явно довольный собой, — ничего, ребята, сразу такие фокусы не получаются.

Он подмигнул мальчишкам.

— Давайте я покажу, как это делается правильно. В ответ раздались аплодисменты. Выглядело всё забавно, ей-богу. Школьники под одобрительные взгляды учителей показывают фокусы...

Аля взял колоду, привычно перетасовал — быстро, уверенно. Карты мелькали между пальцами, будто слушались только его. Это был ритуал старого шулера, вернувшегося в привычную стихию.

Все застыли.

Даже трудовик, мрачный и побитый, не сводил с Крещенного глаз.

— Кто готов принять участие? — спросил Аля, оглядывая делегацию.

Никто не решился. Пацаны переглядывались, молчали. Завуч спряталась за спиной Лёни, сам директор опустил взгляд.

— Ну что ж, — усмехнулся Аля. — Похоже, все стесняются. Тогда вы, — он кивнул Лёне.

Директор замаялся, покраснел, но выхода не было. Он криво улыбнулся и кивнул:

— Ну... давайте попробуем.

— Отлично, — сказал Аля, подавая ему колоду. — Сдвигай.

Лёня неуверенно провёл пальцем, сдвинул верхнюю часть колоды. Аля потасовал колоду, перемешивая карты.

— Ну что, — сказал он, — назови карту, а я её угадаю. Вернее, вытащу твою карту третьей из колоды.

Директор нерешительно вытащил карту, покосился на завуча.

— София Михайловна, запишите, какую карту я выбрал.

Аля демонстративно повернулся к окну, отводя взгляд.

— Только не говорите мне, — сказал он с ухмылкой.

— Не дай бог подслушаю, тогда интереса никакого. Лёня показал карту завучу, та кивнула, запомнив.

— Всё, загадал, можно начинать.

— Прекрасно, — отозвался Аля. — Тогда мешай. Как сможешь, только не бойся. Лёня неловко перетасовал колоду, карты выскальзывали из рук. Когда закончил, Аля щёлкнул пальцами.

— Ну, теперь вытаскивай три карты.

Лёня вытянул первую карту.

— Твоя? — спросил Аля.

— Нет, — покачал головой директор.

— Хорошо, — протянул Аля, — тогда тащи вторую.

Вторая карта тоже оказалась не той. Директор снова отрицательно покачал головой.

В мастерской повисло напряжённое ожидание. Все понимали, что осталась последняя попытка. Пацаны затаили дыхание, завуч сцепила руки, даже трудовик перестал ёрзать.

Аля обвёл всех взглядом.

— Ну что, финальный момент?

Лёня выдохнул и аккуратно снял верхнюю карту. Его рука дрожала, пальцы словно не слушались. Он поднял третью карту, медленно повернул её и замер.

Мгновение никто не дышал. Потом завуч ахнула и прикрыла рот рукой.

— Это она... — прошептала она. — Именно та карта!

Аля усмехнулся, слегка поклонился и бросил карту на стол. Послышались сдержанные аплодисменты — сначала неуверенные, потом громче. Фокус сработал, да ещё как.

Аля, довольный вниманием, вдруг бросил короткий взгляд на меня:

— Видите, Владимир Петрович, главное — не колода, а руки, которые умеют с ней работать.

Я ответил улыбкой.

— Есть ещё желающие? — спросил Аля.

Он наслаждался моментом — внимание, азарт и лёгкое превосходство питали его старую природу игрока.

Молчание длилось пару секунд, пока не раздался сильный голос трудовика:

— Я попробую.

Все повернулись к нему. На лице у трудовика застыло показное спокойствие, но в глазах блеснула злость и уязвлённое самолюбие. Он прекрасно понимал, что спор мне уже проиграл, но, видимо, хотел хоть как-то отыграться.

— Ну что ж, — кивнул Аля, — выходите.

Крещенный ловко перемешал колоду. Потом трудовик загадал свою карту, Соня её запомнила.

— А давайте так, — Аля медленно разложил три карты по столу. — Здесь одна из карт — твоя, у тебя есть ровно две попытки, чтобы достать её.

Эффектно, конечно, ничего не скажешь. Крещенный повышал ставки..., но он знал, что делает.

Трудовик задумался, выбирая. Вытащил первую карту... Мимо. Он выдохнул, лицо побледнело. Вторая попытка — и снова не туда.

Трудовик с каменным лицом медленно перевернул последнюю карту. Несколько секунд он смотрел на неё, будто не веря своим глазам, потом выдохнул и почти шёпотом произнёс:

— Да... это та самая. Моя карта.

Аля хмыкнул, усмехнувшись уголком рта. Взял две карты, которые были вытащены первыми, и ловко положил их трудовику на плечи.

— Поздравляю, заслужил погоны.

Учительницы захихикали, только Мымра стала пунцовой. Но Аля не остановился. Взял угаданную карту и протянул трудовику.

— А теперь плюнь, — сказал он.

— Зачем? — насторожился тот.

— А увидишь.

Трудовик неловко, скорее для вида, сплюнул на карту. Не успел он даже опустить руку, как Аля, в одно движение, с размаху шлёпнул карту ему прямо в лоб.

Раздался сочный хлопок, карта прилипла, а Аля отступил на шаг, довольный результатом.

— Вот так, — сказал он, будто подытоживая, — теперь звезда у тебя на лбу.

Я сдерживал улыбку, наблюдая за трудовиком — тот моргнул, скривился, но не сказал ни слова.

Вот оно, настоящее его лицо. Перед сильными он сжался, как улитка в раковине. Боится, что в ответку прилетит. Вот и весь его «мужской характер».

Аля же уже смеялся открыто, похлопывая трудовика по плечу.

— Не переживай, не обидно же. Карта удачи, на счастье!

Трудовик выдавил натянутую улыбку, но в глазах стояла бессильная злоба.

Аля же явно вошёл во вкус. Щёлкнул пальцами, вынул из внутреннего кармана бумажник — плотный, кожаный, набитый купюрами. Достал стодолларовые банкноты. Развернул веером, показал всем.

— Ну что, — сказал он, — кто хочет испытать судьбу? Кто угадает карту раньше, чем третья, тот вот эту зелень забирает себе.

Он положил несколько купюр на край стола. Все взгляды невольно потянулись к баксам.

Но никто не шелохнулся.

Аля обвёл взглядом педагогический коллектив. Директор переминался с ноги на ногу. Завуч с натянутой улыбкой уставилась в пол. Трудовик, с красным лбом и опущенной головой, молчал, словно его и вовсе не было.

— Что, нет желающих? — протянул Аля, чуть насмешливо. — Боитесь проиграть? Или совесть не позволяет играть на деньги?

Крещенный наслаждался властью момента — как раньше, когда весь стол боялся моргнуть, чтобы не пропустить движение его рук.

Я стоял в стороне, молча. Конечно, умом понимал — лучше бы не лезть. Но характер... характер не позволял отступить. От вызова я никогда не отказывался. Аля, словно почувствовав это, перевёл на меня взгляд.

— Ну а вы, Владимир Петрович? Может, попробуете? Вы же у нас человек решительный.

Все головы педагогического состава повернулись ко мне.

— Давайте попробуем, — я коротко пожал плечами.

Аля всегда повышал ставки, чтобы держать интерес. Просто игра ему быстро надоедала, если не пахло риском. И я был уверен, что сейчас, кроме этих стодолларовых купюр, он что-то добавит ещё...

Так и случилось.

— Ладно, — сказал Крещенный, глядя на меня, — раз уж вы решили испытать удачу, добавим немного азарта.

Он взял колоду, начал тасовать её. Потом протянул карты мне. Я взял колоду, выбрал карту — туз треф. Повернул её к завучу.

Та быстро записала карту в блокнот, чтобы потом не запутаться.

— Отлично, — продолжил Аля. — А теперь перемешай сам. Чтобы не думал, будто я мухлюю.

Я начал тасовать, и руки сами вспомнили старое. Ещё в юности я тоже знал пару трюков: нет, в отличие от Али, шулером я не был, но карты уважал и любил.

Аля, стоявший напротив, приподнял бровь, явно впечатлившись. В его взгляде мелькнуло уважение. А может, и настороженность. Шулер всегда чувствует, когда перед ним не проstack.

Я закончил тасовать карты и протянул колоду Але. Но он не взял её, только медленно покачал головой.

— Нет-нет, доставай сам.

Я снова перетасовал колоду, а потом, делая вид, что просто выравниваю стопку, незаметно отметил две карты. Маленький, почти незаметный приём, но старый как сама игра.

Аля ждал, будучи абсолютно уверен, что расклад известен только ему. Что, как бы я ни старался, результат уже решён.

— Ну что, вытаскивай, — хмыкнул он, опершись на столешницу парты и скрестив руки на груди.

Я молча снова перетасовал колоду, водя пальцами по картам, отмечая, где нужные. Аля следил, не отводя взгляда.

Он был уверен, что я сейчас стану тянуть наугад. Но я уже знал, где лежит туз треф — чувствовал кончиками пальцев. Но и на этом сюрпризы не закончились...

Я не спешил. Каждое движение было выверенным, спокойным. Снова провёл пальцем по краю колоды, ощутил знакомый рельеф и, не глядя, вытянул первую карту.

Поднял, перевернул — и показал Але.

На карте была шестёрка бубей.

— Бубей — хоть хреном бей, — прокомментировал Крещенный. — Твоя?

Я медленно покачал головой и положил шестёрку бубей по его правую руку. Не говоря ни слова, вытащил следующую карту — шестёрку червей. Положил её по левую руку от Али.

На лице Али мгновенно исчезла ухмылка. Глаза сузились. Он понял всё сразу — я не просто угадал, а вытащил именно те карты, которые хотел вытащить.

Затем достал ещё одну — крестовый туз.

— Вот моя карта, — сухо сказал я, показывая на неё.

Аля моргнул, будто не веря. Взгляд заметался между картами, как у человека, которому впервые показали невозможное. Потом поднял глаза на меня — и я видел, как в них борются сразу два чувства: уважение и злость.

Формально всё было очевидно — погоны из шестёрок, лежащие по правую и левую руку от него, теперь впору было вешать самому Крещенному.

Он хрипло выдохнул, посмотрел на карты, потом снова на меня.

— Такого быть не может...

— Загаданная Владимиром Петровичем карта — туз крестовый, — громко объявила завуч, сверяясь с записями в своём блокноте.

По рядам прошёл лёгкий шёпот. Взгляд Али стал ещё холоднее.

— Повезло, — прошипел он. — Во второй раз ты так точно не повторишь.

Он быстро собрал карты со стола, аккуратно сложил обратно в колоду. Движения стали резкими и нервными — совсем не те, что минуту назад. Теперь его пальцы дрожали, и это было заметно.

Он не привык проигрывать. Для него любая неудача была сродни пятну на репутации.

Аля тасовал колоду дольше обычного, словно хотел убедить себя, что контролирует ситуацию. Потом поднял глаза и снова протянул мне карты.

— Ну что, — сказал он, — повторим?

— Без проблем, — ответил я спокойно, беря колоду. — Только ставку удвой.

Аля замер, потом рассмеялся, но уже без веселья. Он молча достал из бумажника ещё стодолларовые купюры и с показным спокойствием положил их на стол.

— Косарь бакинских. Посмотрим, повезёт ли тебе дважды, — прокомментировал он.

Я начал тасовать, не сводя взгляда с Али. Он ждал, что я дрогну и потеряю концентрацию. А вот хренушки.

Я закончил мешать, положил колоду на стол, пальцем сдвинул верхнюю карту и спокойно достал первую.

— Первая, — сказал я. — Шестёрка бубновая. Следом достал шесть червей. Аля уже хмурился, а я сделал паузу, глядя ему прямо в глаза, и вытащил третью карту.

Туз крестовый.

Абсолютно та же комбинация, что и в прошлый раз. Аля стоял неподвижно, губы побелели, глаза метались между картами и моим лицом.

Я же спокойно взял со стола выигрыш — тысячу долларов. Сложил купюры пополам и убрал в карман.

Да, условие я не выполнил, но оно и не надо было. Мой выигрыш Крещенный в принципе не оспаривал и оспаривать не собирался. Все было очевидно, как для меня, так и для него.

— Благодарю за игру, — сказал я.

Глава 5

Аля всё ещё молчал, разглядывая меня так, будто пытался вычислить скрытую уловку.

— Ты раньше в карты играл, да? — спросил Крещенный.

— Да какие карты, — усмехнулся я. — Мне с моей маленькой зарплатой играть на деньги? Да я бы уже после первой партии кредит взял, чтобы долг отдать.

— А откуда тогда знаешь такие приёмы? — уточнил он.

Я пожал плечами.

— Да просто ролики смотрю иногда. В интернете этих карточных фокусов полно. Вот и запомнил пару движений, чтобы ребятам показывать.

Крещенный завис...

— Ну что, ещё раз? — спросил я, будто между делом.

Аля медленно покачал головой.

— Нет, хватит... Пойдём. Куда мы там дальше должны идти по школе?

Кстати, это было несколько неожиданно, Аля всегда был готов играть до последнего рубля.

Он поправил пиджак, бросил взгляд на стол, где всё ещё лежали шестерки, и, не говоря больше ни слова, направился к двери.

Учителя, стоявшие полукругом, переглядывались — одни с растерянностью, другие с плохо скрытым восторгом. Все прекрасно понимали, что только что произошло. Бизнесмен, который привык выигрывать всегда и везде, проиграл простому школьному учителю.

Директор, заметив, что повисла неловкая пауза, поспешил перехватить инициативу.

— Так, коллеги, — он хлопнул в ладоши, — следующим пунктом нашей программы будет актовый зал! Наши дети подготовили отличный сюрприз для вас, — сказал он, догоняя Алю.

— Ну, пойдёмте, — коротко бросил тот.

Выражение лица у Крещенного оставалось мрачным. Не раздражённым — нет, скорее недовольным собой. Та редкая смесь злости и уважения, когда проигрыш не укладывается в голове, но и придаться не к чему.

Когда делегация двинулась к выходу, завуч, шедшая чуть позади меня, не удержалась и тихо фыркнула:

— Владимир Петрович, вы бы хоть немного поддались, а то совсем уж неловко получилось.

Я косо взглянул на неё, но ничего не ответил.

Завуч, как будто не заметив моего взгляда, продолжила полушёпотом, с ядовитым тоном, выдававшим в ней зависть и раздражение:

— Я даже стесняюсь спросить, откуда у вас такие навыки игры в карты... Это ведь только бандиты так умеют профессионально играть.

Она поправила очки и ускорила шаг, догоняя директора.

Я молча посмотрел ей вслед.

Делегация неторопливо вышла из кабинета труда. Учителя переговаривались вполголоса, директор шёл впереди, а Аля — чуть позади, рядом со своим телохранителем.

Трудовик остался стоять у верстака, бледный как полотно, глядя в пол. Вся его показная уверенность растаяла, как снег под солнцем.

Когда я проходил мимо, то не удержался — хлопнул его по плечу и чуть улыбнулся. Не злорадно, а в формате простого напоминания. Посыл был ясен: спор проигран. Готовь музыкального лося.

— Руку уברי, — прошипел он, даже не поднимая головы.

Но это было единственное, что он смог сделать. Я лишь кивнул, не останавливаясь, и догнал делегацию. Коридор был длинный, окна пропускали осенний свет.

На стенах висели грамоты с достижениями школы, фотографии одиннадцатых классов разных лет выпуска. Всё это директор показывал с воодушевлением:

— В нашей школе действуют различные художественные кружки, — рассказывал он. — И, между прочим, возглавляет их наша великолепная учительница русского языка и литературы.

Лёня обернулся, указав рукой училку. Но Аля не слушал. Он шёл, нахмурившись, и будто что-то прокручивал в голове. Потом чуть ускорил шаг, догнал меня и, не глядя, тихо сказал:

— Слышь... потом научишь меня этому фокусу. Любые бабки заплачу... С тобой мои люди свяжутся, договоримся, — добавил он шёпотом.

— Не вопрос, — ответил я.

Аля кивнул, словно получил ожидаемый ответ, и снова выпрямился, возвращая себе образ уверенного, солидного человека, будто ничего и не случилось. Впереди уже виднелись двери актового зала, откуда доносился шум и голоса детей, готовившихся к «сюрпризу».

Двери открылись с протяжным скрипом. Внутри актового зала, как и в столовой, всё буквально дышало возрастом. Потолок с пожелтевшей лепниной, занавес сцены, выцветший до тускло-бордового цвета, старые колонки на треногах и деревянный пол, скрипящий при каждом шаге.

Ремонт, судя по всему, не делали со времён позднего Союза, но администрация явно старалась поддерживать видимость порядка, как и в столовой.

Стены были совсем недавно подкрашены, пыль вытерта, всё чисто, аккуратно и по-своему даже уютно. Ну если закрыть глаза на то, что всё это держалось на энтузиазме, а не на бюджете.

Сиденья в рядах были из того же прошлого века — перетянутые потрескавшимся дерматином, из которого местами торчал синтепон.

Аля окинул зал внимательным взглядом. Он всё замечал — и старую проводку под потолком, и облезлые занавесы, и облупленный паркет у сцены.

— Вот, пожалуйста, — с ноткой гордости произнёс директор, жестом приглашая гостей. — Наш актовый зал. Прошу проходить, вам приготовили места в первом ряду, чтобы всё было видно.

Мы расселись. Аля опустился в скрипучее кресло, скрестив руки на груди, и откинулся назад, словно намеренно проверяя прочность сиденья.

— Сейчас наш дружный школьный коллектив покажет вам своё представление, — объявил директор.

— Ну давайте посмотрим, что молодёжь придумала, — согласился Аля.

Пока зал погружался в полумрак, за кулисами послышались шорохи, детские шепотки. Понятно, что это выступление было сколочено наспех, за полчаса до прихода делегации.

Но я делал акцент на эффекте.

На сцену, немного неуверенно, вышли пацаны с продлёнки. В руках у каждого — большие ватманские листы, на которых яркой гуашью были выведены буквы: «А», «Л», «Б», «Б», «Е», «Р», «Т».

— Итак, — объявил один из них, — мы приготовили для вас, Альберт Ильич, поздравление!

Аля хмыкнул, заёрзал — всё-таки приятно, как ни крути.

Первый мальчишка поднял лист с буквой «А».

— А — это Авторитетный! Потому что вас уважают все взрослые и дети тоже!

Следующий мальчик поднял букву «Л».

— Л — Лидер! Вы умеете вести за собой и никогда не боитесь трудностей!

Аля чуть кивнул, ему явно это льстило.

Третий мальчишка, с краской на щеке, держал лист с мягким знаком. Немного смутился, потом сказал:

— А мягкий знак — потому что даже сильный человек иногда бывает добрым!

Следующий поднял «Б».

— Б — Большой человек! У вас большие дела и доброе сердце!

— Е — Энергичный! — выкрикнул другой. — Вы всё успеваете и никому не даёте расслабляться!

Аля уже улыбался открыто, хоть и старался держать вид. Я думал, что сейчас последует комментарий от Мымры, что слово «энергичный» начинается с другой буквы. Но, повернувшись на кресло, где должна была сидеть завуч, увидел пустое кресло. Хм... и куда она пошла?

— Р — Решительный! — продолжили пацаны со сцены. — Потому что если вы что-то задумали, то обязательно сделаете!

И, наконец, последний поднял лист с буквой «Т».

— Т — Твёрдый в слове и деле!

После его слов дети синхронно подняли все свои буквы над головой, составив имя «АЛЬБЕРТ». В зале раздались аплодисменты. Аля сидел, чуть наклонившись вперёд, глядя на детей.

— Неплохо... даже очень, — прокомментировал он.

Да, представление, мягко говоря, было простеньким. Ни режиссуры, ни музыкального сопровождения — обычная школьная самодеятельность, где дети старались изо всех сил, а взрослые делали вид, что это маленький праздник.

Но именно это и требовалось.

Аля, у которого с детства был раздутый культ собственного «я», сидел в кресле, самодовольно улыбаясь. Слова про «лидера», «твёрдость» и «авторитет» попадали точно в ту жилу, где у него билось самолюбие.

Я вдруг почувствовал лёгкий толчок со спины.

Медленно обернулся.

Позади, чуть согнувшись, стояла Мымра.

— Что такое? — спросил я тихо.

— Пойдёмте, — прошипела она, еле сдерживаясь, чтобы не привлечь внимание. — У нас проблемы.

— Какие ещё проблемы? — уточнил я.

— Вы всё сами увидите, — отрезала Соня и уже сделала шаг к выходу, явно рассчитывая, что я последую за ней немедленно.

— Ладно, пойдёмте, — сказал я, поднимаясь со своего места.

Аля даже не заметил — он был полностью увлечён происходящим на сцене. Дети продолжали свой номер, а он, сияя, хлопал им, наслаждаясь каждым новым словом о себе. Самодовольство буквально сочилось из него.

Зато телохранитель заметил. Он стоял у стены, руки сложены на груди, взгляд цепкий. Когда я вместе с завучем вышел из ряда и направился к выходу, тот проводил нас взглядом, но ничего не сказал. Профессионал — видит, но не вмешивается, пока нет команды.

— Всё-таки интересно, — сказал я, шагая рядом с Соней. — Есть директор, но прибежала ты именно ко мне.

Мымра шла быстро, каблуки отстукивали по полу, плечи напряжены.

— Ничего хорошего, — сказала она, не оборачиваясь. — Сейчас сами увидите.

Я усмехнулся про себя. Вот и правильно. Вражда враждой, а инстинкт — куда бежать в случае ЧП — у неё сработал верно.

Уже на подходе к выходу я услышал какие-то звуки. Неясные, глухие, будто отдалённая возня.

— Что там? — спросил я.

Мымра ничего не ответила. Звуки становились громче. Я ускорил шаг, Соня уже почти бежала впереди.

Я вышел из актового зала, и картина, что предстала перед глазами, была достойна комедии, если бы не происходила в реальной школе.

Посреди коридора, пошатываясь, стоял наш географ в мятой рубашке навывпуск, с растрёпанными волосами, в которых плескалась вселенская тоска и литр дешёвого самогона.

Он широко раскинул руки, будто дирижировал оркестром, и с чувством, но совершенно без слуха, тянул:

— Выйду ночью в поле с конём, Ночкой тёмной тихо пойдём...

Голос у него был такой, будто он пел, давясь картошкой. Но при этом пел искренне, со всей душой.

Завуч остановилась рядом, сложила руки на груди и процедила сквозь зубы:

— Вот, Владимир Петрович... наш уважаемый географ решил лично поздравить бизнесмена.

— Вижу, — хмыкнул я.

Глобус тем временем, не теряя вдохновения, пошёл в сторону актового зала, пошатываясь и цепляясь за стену. Его пытались удержать трудовик и физичка, но он, словно в нём проснулся дух свободы, вырвался и заорал ещё громче:

— Мы пойдём с конём по полю вдвоём!

Песня эхом разнеслась по коридору.

Физичка, красная как рак, шипела:

— Да стой же ты! Там же делегация!

Но Глобус уже не слышал. Он вдохновенно пел, раскачиваясь, а глаза у него бегали, как у человека, поймавшего белочку в чистом виде.

— Вы понимаете, что он сейчас туда ворвётся?! — прошипела Мымра, кивая в сторону актового зала. — А если наш гость увидит вот это, — она ткнула пальцем в сторону Глобуса, — то скандала не избежать!

— Понимаю, — кивнул я.

— И что будем делать?! — в голосе завуч дрожали истеричные нотки.

Я посмотрел на Глобуса — тот уже пытался обнять трудовика, который, матерясь сквозь зубы, пытался его удержать. Физичка же тщетно прикрывала собой дорогу к залу, приговаривая:

— Давайте потом! Потом попоёте!

— Сейчас что-нибудь придумаем, — заверил я, но, если честно, в голове пока не было ни одной толковой идеи.

Из-за дверей актового зала донёсся детский хор:

— Добро пожаловать!

Это значило одно — представление закончилось, и через минуту Аля с директором и всей делегацией выйдут в коридор.

Я задумался, прикидывая варианты. М-да... товарищ был конкретно не в тему. Белка, портвейн и патриотизм — убойная смесь. Сейчас эта ходячая катастрофа ввалится к Але, и всё...

Глобус тем временем продолжал раскачиваться, с чувством вывода:

— Мы пойдём с конём по полю вдвоём...

У него как пластинку заело.

Физичка с трудовиком держали его под локти, но тот явно собирался рвануть вперёд. Впрочем, Аля вот-вот выйдет из зала сам. Если он увидит это «представление после представ-

ления», директору не жить. Да и мне достанется — ведь теперь я вроде как отвечаю за всё происходящее.

Я обернулся к Мымре:

— Держите дверь. Если что, задержите гостей — скажите, что замок заклинило.

— А вы что собираетесь делать?

— Попробую уговорить коня за пределы поля не выходить, — ответил я и шагнул к Глобусу, который как раз поднял руки к потолку и готовился взять финальную ногу.

Я окинул взглядом коридор. Надо было что-то делать быстро. И тут увидел на физичке клетчатый плед.

— Дайте-ка плед, — попросил я.

— Зачем он вам?.. — начала она растерянно.

— Потом объясню, — перебил я. — Быстро!

Она, не до конца понимая, в чём дело, сняла плед с плеч, и я тут же взял его. Тут же встал прямо на пути Глобуса, плед натянул между руками, как сетку. Одним движением я набросил плед географу на плечи, перехватил сбоку и, пока тот пытался разобраться, что происходит, провернул его на месте, буквально скрутив в бараний рог.

Глобус хрюкнул, зашатался, и через секунду стоял уже надёжно укутанный тканью — плотным коконом, из которого торчали только ботинки.

— Эй!.. Это саботаааа... — пробормотал он.

Но договорить ему я не дал. У завуча на голове красовалась нелепая розовая лента — что-то вроде бантика, который она, видимо, считала частью своего делового имиджа. Бантик был аккуратный, но в данный момент я увидел в нём не аксессуар, а идеальный инструмент для конкретной задачи.

— София Михайловна, позаимствую ненадолго.

Мымра только успела раскрыть рот, как я уже снял с её головы бантик. Волосы распались, упали ей на плечи — густые, ухоженные, с лёгким блеском. На мгновение она застыла, глядя на меня в шоке, но возражать не решилась.

— Верну в целости и сохранности, — заверил я с самым серьёзным видом и повернулся к Глобусу.

Тот, несмотря на то что был уже плотно замотан в плед, продолжал упорно выводить гнусавым голосом:

— Выйду ночью в поле с конём...

Глаза закатаны, голос дрожит, но энтузиазм зашкаливает.

— Ну что, певец в жопе смычок, — сказал я устало, — придётся внести коррективы тебе в программу.

Я аккуратно, но решительно заткнул ему рот бантиком. Песня оборвалась на полуслове, и в коридоре воцарилась спасительная тишина.

Глобус издал приглушённое «мммфф...», но больше ничего.

— Господи, взрослый же человек, — вздохнула завуч, прикладывая ладонь к лбу. — Совершенно не умеет себя держать в руках...

— Синька — чмо, как говорится, София Михайловна, — вставил трудовик, почесав затылок и с кривой усмешкой глядя на завёрнутого географа. — Но пить всё равно не брошу.

Я, тем временем, убедился, что Глобус надёжно обезврежен. Подхватил его, как мешок с картошкой. Географ мычал что-то сквозь бантик-кляп, но сопротивляться уже не мог. Тело болталось безвольно, от него ощутимо пахло самогоном.

— Всё, товарищ певец, отгремел твой концерт. Физичка поспешно распахнула ближайшую дверь — пустой кабинет. Я осторожно опустил Глобуса на парту, поправил плед, чтобы не упал.

— Полежи тут, артист. Минут десять, заодно отоспишься, — бросил я. — А потом, может, и голова прояснится.

Он ответил глухим мычанием, глаза закатились, и, кажется, он уснул прямо на месте.

Я закрыл за собой дверь и направился обратно в сторону актового зала.

Когда подошёл, двери как раз распахнулись. На пороге показался Аля — бодрый, довольный, в сопровождении учителей, директора и завуча. Аля явно был в приподнятом настроении. Видно, представление ему понравилось.

— Отличное выступление, — сказал он, останавливаясь в коридоре. — Молодцы. Видно, что ребята старались.

Директор просиял, закивал, чуть не кланяясь:

— Мы очень рады, что вам понравилось!

Аля кивнул, потом повернулся к своему телохранителю:

— Хочу лично каждому из ребят, которые участвовали в выступлении, выдать по пять тысяч рублей. Организуй.

— Всё сделаю, — заверил тот.

Ну что ж, эффект был достигнут. Аля отвлечён, расслаблен, доволен. Главное, чтобы теперь не вспомнил, зачем вообще приезжал.

И действительно — цель визита, проверка и вопрос о возможном закрытии школы, полностью испарились из его головы. Все эти часы, которые он планировал потратить на «жёсткий аудит», мы сумели превратить в череду «представлений», карточных фокусов, выступлений и комплиментов.

Я в буквальном смысле выиграл время. Каждая минута была заполнена так, чтобы не осталось ни секунды для разговоров о сокращении бюджета, проверках и «нецелевом расходовании».

Аля всё ещё улыбался.

— Так, ну что у нас дальше? Но телохранитель чуть наклонился и тихо напомнил:

— У вас по расписанию уже следующее мероприятие. Надо ехать.

— Ах да... дела бедовые. Время пролетело совершенно незаметно. Так, ну мне всё ясно, — сказал Аля, поправляя пиджак и бросая быстрый взгляд на часы. — Жалко, конечно, что нужно уже уезжать... Но надо. Спасибо за приём. Всё организовано достойно.

Директор просиял.

— Вам большое спасибо, что нашли время и посетили нашу школу! Для нас это большая честь.

Аля остановился. Улыбка исчезла. Взгляд стал холодным, деловым — таким, каким он был в начале визита.

— Леонид Яковлевич, — сказал он. — Приём — приёмом, но вы же понимаете, что сам факт визита не решает проблем.

Директор мгновенно сник, опустил глаза.

— У вас по-прежнему большие сложности с финансированием школы, — продолжил Аля. — И условия для его получения остаются прежними. Всё зависит от того, выиграете ли вы областную олимпиаду. Если нет — сами понимаете, дальше смысла поддерживать проект не будет.

Директор кивнул, ссутулившись, подбородок почти упал на грудь.

— Понимаю, — выдохнул он.

Аля уже вернул себе улыбку, коротко пожал директору руку.

— Спасибо ещё раз, — сказал он. — Мне пора.

Он направился к выходу, но, проходя мимо меня, вдруг замедлил шаг.

— Ну что, Владимир Петрович, — шепнул он. — Желаю успеха в олимпиаде.

— Спасибо, — ответил я. — Победим.

Он кивнул, повернулся и пошёл к выходу.

Глава 6

Аля ушёл.

Директор первым нарушил молчание. Он обхватил голову руками и поднял глаза к потолку.

— Так... ну, кажется, пронесло, — в голосе звучала неподдельная усталость. — Я, если честно, думал, что сейчас будет разнос... А в итоге обошлось. Всё потому, что программа, которую мы ему показали, отвлекла. И за это... надо сказать спасибо Владимиру Петровичу!

Директор захлопал, к аплодисментам присоединились и другие учителя, за исключением Мымры и трудовика, которые сделали вид, будто переговариваются о чём-то важном.

Я поднял руку, останавливая аплодисменты.

— Коллеги, — сказал я. — Рад, что удалось отвлечь гостя от проверок, но не будем питать иллюзий. Он ясно дал понять, что финансирование зависит от олимпиады.

Аплодисменты смолкли. В коридоре снова стало тихо.

— Так что, — продолжил я, — расслабляться рано. Нам предстоит не просто подготовить класс, а выиграть олимпиаду с ребятами, которые едва справляются с обычными заданиями. Придётся вложить в них всё, что есть.

Я обвёл взглядом коллег. Некоторые, как физичка, отвели глаза, у других, как у химички, напротив, искрились решимостью.

— И я рассчитываю на поддержку всего коллектива. Если будем работать вместе, то вытащим этот класс и школу заодно, — заключил я.

Леня утвердительно кивнул, лицо его снова стало серьёзным.

— Согласен, Владимир Петрович. Всё, что в наших силах, мы сделаем. Мы действительно должны объединиться. И я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы вам работалось комфортно и чтобы весь коллектив вас поддержал!

Леня перевёл взгляд на остальных учителей, собравшихся в коридоре, будто ожидая подтверждения своих слов. Учителя закивали в ответ почти синхронно.

— Сделаем всё, что от нас зависит, — послышались заверения с разных сторон.

В общем и в целом, мне нравился настрой коллектива. И хотелось верить, что такой настрой сохранится далее.

— А сейчас, — продолжил директор, — хочу поблагодарить всех. Мы сегодня сделали одно большое и важное дело — отстаивали честь нашей школы!

Леня искренне улыбнулся и добавил уже серьёзнее:

— Мы просто обязаны получить финансирование. А для этого нам нужно показать результат и хорошенечко поработать! Ну а те, кто хорошо работает, должны и хорошо отдыхать. Поэтому, коллеги, сегодня — идите домой и хорошенько отдохните.

Аплодисменты вновь раздались, уже спокойнее, но увереннее. Учителя потихоньку начали расходиться. Усталость, накопленная за день, смешивалась с облегчением. Напряжение спало, и на лицах учительниц наконец появились улыбки.

— Конечно, рискован у вас был план, Владимир Петрович, — сказала химичка, подходя ближе. — Но, надо признать, он сработал. Я, признаться, думала, что после того... эпизода с нашей Эльвирой, — она многозначительно закатила глаза, — этот наш гость взбесится и школу закроет.

— А вот нет же, — подхватила физичка, улыбаясь. — Вы, наверное, отличный психолог, Владимир Петрович. Так хорошо понимаете людей.

Скорее просто знаю, где у кого кнопки... но вслух говорить об этом я не стал. Учительницы захихикали, и физичка, чуть тише, будто делясь сплетней, добавила:

— Да и нашей математичке явно повезло, что у неё появился такой... воздыхатель.

Я улыбнулся, кивнул, но промолчал. Не видел смысла комментировать — всё и так было ясно. Пусть думают, как хотят. Главное, что результат достигнут.

Пока я обменивался дежурными репликами, взгляд зацепился за конец коридора. Там, у двери одного из классов, стояли завуч и трудовик. Мымра что-то быстро говорила этому паршивцу, почти шипела, а тот молча кивал, даже не глядя на неё. Потом оба направились к выходу.

Вот даёт... спор проиграл, а нести ответственность не спешит. Ни музыкального лося, ни извинений — ничего. Уходит как ни в чём не бывало.

Я быстрым шагом двинулся следом, мимоходом попрощавшись с учительницами. И краем уха услышал разговор трудовика и завуча.

— Когда? — настойчиво спросила завуч, стоя прямо перед трудовиком.

Голос у Мымры был холодный, в нём слышалась уязвлённая гордость.

Трудовик бросил на неё короткий взгляд, смотря не как на женщину, а как на назойливую муху.

— Соня, ну ты же знаешь... у меня полно дел. Сегодня вечером точно не получится увидаться.

— Вот так значит, — прошипела Мымра. — Ну, разбирайся со своими... делами. Значит, время на этого вонючего физрука у тебя есть, а на нормальные отношения — нет? Ладно, ладно.

Она зло стиснула кулаки, впиваясь своими нарощенными ногтями в ладони, и, гремя каблуками, развернулась и ушла.

Я проводил её взглядом. Ну вот, как я и думал. Коммуникация у этих двоих трещит по швам.

Трудовик явно меня заметил, но тоже попытался свинтить.

— Товарищ учитель по труду, — позвал я, когда он почти дошёл до конца коридора.

Трудовик, как будто наткнулся на невидимую стену, замер. Потом медленно повернулся. На лице застыла смесь раздражения и обречённости.

— Вы что-то хотели, Владимир Петрович? — буквально выплюнул он.

— Хотел, — подтвердил я. — Совсем самую малость. Напомнить тебе, что ты проиграл спор. А долги, как ты знаешь, надо отдавать.

Трудовик медленно набрал полную грудь воздуха. Тема разговора ему явно была не по душе.

— Так что давай-ка возвращай свой должок, — обозначил я. — Прямо сейчас.

Трудовик медленно выдохнул через нос и тут же попытался уйти от темы:

— Владимир Петрович, мне надо идти. У меня куча дел... связанных не со школьной деятельностью.

— Да ладно, дела потом доделаешь. А долг — это святое. Хочу, чтобы ты отдал его сейчас. Проигравший неловко переступил с ноги на ногу.

— Показывай своего музыкального лося, — раздражённо бросил он.

Я достал мобильник, включил экран и набрал в поисковике: «музыкальный лось». Через пару секунд на экране появилось видео — пластиковый лось с вращающейся головой, который при нажатии на кнопку начинал качать шей и басовито реветь какую-то нелепую песенку из девяностых.

Не то, блин.

Пришлось чуточку поискать, пока я наконец открыл нужное видео. Я нажал «воспроизведение» и протянул телефон трудовику.

Тот сначала посмотрел без интереса, потом нахмурился, потом уставился в экран так, будто не верил собственным глазам.

— Ты что, издеваешься? — выдавил он наконец. — Это что за первый класс, вторая четверть?!

На его лице проступили бледные пятна.

— Ты спорил, руку пожимал, — напомнил я. — Или у тебя слово ничего не стоит?

Трудовик шумно втянул воздух, глядя куда угодно, только не на меня.

— Володя... может, как-нибудь по-другому договоримся? — сказал он тихо, почти умоляюще.

— По-другому не договоримся, — отрезал я. — Ты взрослый мужик, учитель. Значит, должен отвечать за свои слова. Проиграл — исполняй.

Трудовик медленно перевёл взгляд на экран телефона, медленно покачал головой. Видно было, как он борется с собой: то ли гордость душила, то ли остатки здравого смысла ещё пытались восстать против абсурдности происходящего. Но, в конце концов, трудовик сдался.

— Ладно, хорошо... ты прав, раз должен, то отдам.

— Вот и молодец, — кивнул я, убирая телефон.

— Только... — он оглянулся по сторонам. — Только не прямо же здесь?

— А чем тебя смущает это место? — спросил я с самым невинным видом. — Хотя, если хочешь, можем выйти на крыльцо школы, там воздух посвежее...

— Нет-нет! — быстро перебил он. — Давай уж... здесь. Пока никого нет.

— Ну давай, поехали, — согласился я.

Трудовик обречённо закатил глаза, потом сложил ладони одна поверх другой, прижал их тыльной стороной ко лбу.

— Вот. Лось твой... бей! — зло процедил он.

— Не-не, дружок, — остановил я, едва удержавшись от улыбки. — Это просто лось. А у нас, напомню, музыкальный. Ты же видео смотрел, знаешь, как надо делать.

Трудовик сверкнул глазами, как волк, пойманный в капкан, но всё-таки послушался. Медленно развёл руки в стороны, вдохнул и, глядя в потолок, начал медленно сводить руки:

— Вдруг как в сказке скрипнула дверь... — тихо, с ненавистью к самому себе, запел он. Я почти не выдерживал и прикусил губу, чтобы не рассмеяться.

И тут, как по заказу, дверь в конце коридора действительно скрипнула. На пороге появилась Аня.

— Вова? Котя? — ошарашенно выдала она. — Что здесь происходит?

Трудовик застыл с ладонями у лба, посередине куплета, а я... я, признаться, охренел. Чего, блин?

Во-первых, что вообще делает Аня здесь, в школе, кто её пустил? А во-вторых... она же сейчас назвала его... Котей. Этого самого трудовика, который стоял с руками у лба.

Я замер, совершенно растерявшись, а заодно перебарывая пришедшее осознание. Котя... это он?

Я медленно повернул взгляд от Ани к трудовику. Тот выглядел так, будто его только что ударили по затылку табуреткой. Руки, кстати, не убирал — ну или не успел сообразить.

— Погоди, то есть ты — Котя?.. — спросил я.

Я посмотрел на Аню — та стояла с округлившимися глазами, не понимая, что происходит. Следом перевёл взгляд на этого недоучителя, который оказался банальным, прожжённым бабником.

Вот оно как получается! Внутри меня начало подниматься злое, холодное раздражение. Всё это время Котя был под боком у меня, а я и ни сном, ни духом. А выходит, что Котя дурит голову Ане, встречаясь с Мыррой, и одновременно дурит голову Мырре, встречаясь с Аней...

Я сжал челюсти. Бабник, блин. Сука!

Ну если так, то проучить его нужно как следует.

Я сделал шаг назад, поставил ноги чуть шире, корпус повернул. И как на тренировке, когда отрабатываешь правый прямой, ударил.

Получай свою мелодию, козёл!

Я вложил в удар всё — силу, массу, накопившуюся злость и отвращение. Правый прямой вышел коротким и точным.

Хлопок был такой, что даже стёкла задрожали. Трудовика откинуло назад, он шлёпнулся на пол, сев на пятую точку. Несколько секунд сидел неподвижно, а потом медленно развёл руки и с каким-то отчаянным сарказмом всё же пропел:

— Всё мне ясно стало теперь...

Лоб у него уже налился красным, глаза бегали — видно, голову после удара хорошенько встряхнуло.

Если сначала я планировал ударить не сильно, а просто чтобы дошло, то теперь выместил всё, что копилось.

Аня стояла с выпученными глазами, будто не могла поверить, что всё это реально происходит у неё перед носом.

Я думал, что у неё хватит мозгов, чтобы развернуться и уйти прямо сейчас. Но индюк тоже думал — да в суп попал.

— Вова! Что ты натворил?! — крикнула она, бросаясь к своему Коте.

Она попыталась поднять его с пола — обеими руками, неловко, подхватила под мышки. Но куда там: трудовик был мужиком немаленьким, килограммов под девяносто, и при этом в полном раздрае. После моего удара у него, похоже, в голове до сих пор гудел «внутренний колокол». Глаза остекленели, рот приоткрыт, движения заторможенные. Состояние классического нокдауна.

Аня тянула, сопела, но всё без толку — только волосы выбились из хвоста и упали ей на лицо.

Я стоял, глядя на это, и мысленно чертыхался. Интересно, конечно, получалось. Вместо того чтобы сказать спасибо, что я наконец поставил на место этого дурачка, который только и делает, что портит всем жизнь, Аня за него готова костями лечь. Вот же дура, блин.

С другой стороны, женская логика — это вообще отдельная наука. Иногда она выдаёт такие кульбиты, что хоть стой, хоть падай.

Аня тем временем уже почти плакала, пытаясь привести трудовика в чувство. Но тот только хрипел и бормотал что-то про «всё мне ясно стало теперь».

Однако, как оказалось, моё весёлое времяпрепровождение только начиналось.

На визг Ани, который эхом пронёсся по коридору, почти сразу вылетела завуч.

Мымра, увидев эту живописную сцену, застыла на месте с глазами размером с чайное блюдце.

— Что здесь происходит?! — изумилась она, глядя то на меня, то на них.

И, судя по её выражению, завуч Аню видела впервые в жизни. Впрочем, это было взаимно — Аня тоже на неё смотрела, как на внезапное природное явление, вроде снегопада в июле.

— Да мы тут плюшками балуемся, — сказал я с невозмутимым видом и натянуто улыбнулся.

Завуч моргнула, не сразу понимая, шутка это или у меня окончательно съехала крыша.

Трудовик, видимо, понял, что дело пахнет жареным, и попытался срочно что-то придумать. Но в его состоянии это было проблематично. Он приподнял голову и заплетающимся языком произнёс:

— Я... всё объясню... девочки...

Наступила неловкая пауза.

— Девочки? — одновременно переспросили Аня и завуч, глядя на своего возлюбленного в полном недоумении.

Я же мысленно подобрался. Ну всё, ехали, ехали — и приехали. Дальше я уже невольно стал свидетелем, точнее, вынужденным участником того, что в нормальной жизни называется «семейная драма». Вернее, драма двух дам, внезапно осознавших, что они далеко не единственные в расписании трудовика на этом свете.

— А вы вообще кто?! — с возмущением выпалила завуч, тыкая пальцем в Аню.

— Я вообще-то девушка его! — парировала Аня, глядя на соперницу с таким выражением, будто готова была вцепиться в волосы. — А вы кто?!

Завуч моргнула, побледнела.

— Представляете... а я вот тоже думала, что я его девушка, — выдала Мымра.

Возникла пауза — тягучая, как перед взрывом. Я стоял, скрестив руки, и наблюдал за этой картиной. Выглядело всё это, конечно, забавно со стороны. Хотя Ане и Мымре было явно не до смеха. Можно было почти физически ощутить, как внутри у обеих девчат бушует пожар — ревность, ярость, унижение... всё вперемешку.

Ну, девчонки, сами виноваты. Сами выбираете себе таких вот «принцев» на китайских спортивных машинах. А потом удивляетесь, что ваш спутник жизни вдруг оказывается не таким уж замечательным, как вам казалось.

— Но мы ведь с ним вместе уже три месяца! — почти крикнула завуч.

— И мы с ним примерно столько же, — не осталась в долгу Аня. — А вообще у нас завтра годовщина... тоже ровно три месяца.

Трудовик сидел на полу, втянув голову в плечи, и выглядел так, словно молил небеса о немедленном провале под землю. Глаза метались между двумя бестиями, губы шевелились, но звуков не выходило. Видимо, мозг отчаянно искал вариант, как объяснить сразу двум разъярённым женщинам, почему так вышло.

Девчата продолжали копаться в подробностях — с таким рвением, будто им жизненно необходимо было установить точную хронологию всех поцелуев, свиданий и обещаний «любить навсегда». Обе теперь уже говорили наперебой, а трудовик только мотал головой.

— Да как ты мог! — взвизгнула завуч, в голосе звенела настоящая обида.

— Ты же говорил, что любишь меня и только меня! — добавила Аня, почти плача.

Обе в один момент перевели взгляд на трудовика, как два прожектора. Трудовик открыл рот, потом закрыл. Видно было, что внутри у него паника, и мысли скачут, как блохи на горячей сковородке.

Ну а что он мог ответить? Что, мол, пока говорил слова любви одной, слал сердечки другой? Или что случайно запутался в расписании встреч?

Он только поднял ладони, как кот Леопольд, — мол, «давайте жить дружно», — но эффект был нулевой. Вообще-то существует мужская солидарность, но явно не в этом случае. Этого конкретного типа мне было не жалко ни на грамм. Слишком уж самодовольный, наглый и пустой. И теперь Котя получал по заслугам.

Поняв наконец, что оказался в полном тупике и ответить своим дамам по существу нечего, трудовик выбрал старую проверенную стратегию всех неумелых ловеласов — пошёл в нападение.

Он медленно поднялся с пола, пошатываясь, лицо пунцовое, а глаза бешеные.

— А что я, по-вашему, должен был говорить?! — взорвался он. — Значит, вот так — я теперь козёл, да? А когда подарки от меня принимать, так вы в очередь выстраивались, а?!

Аня отпрянула, завуч побледнела, но обе всё равно не уступали.

— Как ты можешь так говорить! — выкрикнула завуч, сжав кулаки. — Я тебе всё верну, всё до копейки!

— И я! — подхватила Аня дрожащим голосом, но уверенно.

Трудовик криво усмехнулся, почти с презрением, и, грозя им пальцем, процедил:

— Вы ещё пожалеете, что вот так выставили меня!

И, покачиваясь на негнущихся ногах, направился к двери. Интересная реакция, ничего не скажешь. Мужик баб водил за нос, а теперь ещё и возмущён, что ему предъявили претензии.

Ну конечно... как пелось в одной замечательной песенке: «Есть лаве на кармане, извини меня, Маня, эй, девчонки, а ну, навались!» Так-то деньги в кармане, машина... вот он и возомнил себя ханом. А эти вот две курицы, выходит, его наложницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.